Октябрь 1907 г. Годъ I-й. № 1.

Теософическое Обозрѣніе.

Ежемѣсячный журналъ посвященный теософіи и теософическому движенію въ Россіи и за-границей.

Содержаніе № 1.

Адресъ редакціи:
С.-Петербургъ, Вас. Остр. 6 линія. д. № 5.

Типо-Литографія Бусселя, С.-Петербургъ, Мытнинск. наб., 9.

Отъ редакціи.

Приступая къ изданію ежемѣсячнаго журнала, посвященнаго теософіи и теософическому движенію въ Россіи и за границей, редакція ставитъ своей задачей содѣйствіе духовному объединенію человѣчества безъ различія національности, вѣроисповѣданія, касты и пола. Всѣ препятствія къ осуществленію этого возвышеннаго идеала всемірнаго братства народовъ журналъ будетъ стремиться устранять положительнымъ путемъ, исключая всякую полемику и критику воззрѣній, намѣреній и поступковъ личностей, на основаніи истиннаго христіанства, любви къ людямъ и терпимости.

„Теософическое Обозрѣніе" есть свободный, независимый органъ печати и не задается цѣлью образовать новую секту или распространить какое либо опредѣленное вѣроученіе, но напротивъ призываетъ каждаго вѣрующаго, къ какой бы религіи онъ не принадлежалъ, проникаться тѣми истинами, какія лежатъ въ основаніи исповѣдуемой имъ религіи. Ни отъ кого не требуется вѣры въ то, что будетъ предлагаться на страницахъ нашего журнала—пусть каждый критически относится ко всему и принимаетъ то, что ему кажется истиннымъ, и отвергаетъ то, что ему кажется ложнымъ, пользуясь своимъ разумомъ—этимъ божественнымъ свѣтомъ, который одинъ только учитъ людей различать истинное отъ ложнаго. Никакого авторитета, кромѣ разума, журналъ не признаетъ. Журналъ не говоритъ отъ имени какого либо Теософическаго Общества, и ни одно изъ нихъ не отвѣтственно за мнѣнія, выраженныя въ статьяхъ.

Мы считаемъ всякаго искренно исповѣдующаго и исполняющаго идеи всемірнаго братства за члена Теософическаго Общества, которое представляетъ свободный союзъ людей самыхъ разнообразныхъ вѣрованій и убѣжденій, одушевленныхъ идеей всеобщаго братства и любви. Лучшей оцѣнкою убѣжденій каждаго человѣка являются его дѣла, независимо отъ того, къ какой религіи онъ принадлежитъ, и каково его общественное положеніе.

Теософическое ученіе не есть какая нибудь тайна, но оно тайна для тѣхъ, кто не можетъ его познать. Поэтому данный журналъ будетъ содѣйствовать раскрытію и нахожденію теософіи во всѣхъ религіяхъ, философіяхъ и научныхъ системахъ.

Теософія не ограничивается одной какою либо областью изученія, но она захватываетъ всѣ области, такъ какъ человѣкъ, какъ вѣнецъ природы, долженъ объединить все; но объединить все возможно лишь въ одной идеѣ всемірнаго братства и любви. Духъ вѣчности наполняетъ сердце человѣка: ему недостаточно изслѣдовать силы природы и пользоваться ими для практическихъ цѣлей, но онъ пытается проникнуть въ великую загадку вселенной, которая необъятнѣе небесъ и глубже всякой бездны.

Такъ какъ матеріализмъ обращаетъ все въ атомную пыль и никакъ не можетъ изъ этой пыли составить прочнаго единства, то намъ придется, не отвергая матеріи, искать болѣе жизненнаго пути. Какъ человѣческое тѣло объединяетъ въ себѣ милліарды атомовъ, которые безъ него были бы пылью и хаосомъ, такъ и теософія укажетъ тотъ же процессъ объединенія во вселенной и въ духовной сферѣ существованія.

Этотъ же самый принципъ, примѣненный къ практической жизни людей, внесетъ струю мира и согласія въ ихъ взаимныя отношенія. Онъ поможетъ всякому найти зерно истины въ религіяхъ другихъ людей и устранитъ узкія предубѣжденія, препятствующія не только взаимному пониманію, но и дружескимъ отношеніямъ.

Такимъ образомъ цѣль нашего журнала будетъ состоять въ томъ, чтобы познакомить читателей съ всеохватывающимъ міровоззрѣніемъ, являющимся основою всѣхъ религіозныхъ системъ, философій и наукъ, которое можно встрѣтить въ ученіяхъ мудрецовъ всѣхъ странъ и народовъ.

Никакіе споры и партійность, отравляющіе жизнь не только частнымъ лицамъ, но всему обществу и народу, не имѣютъ мѣста въ нашемъ журналѣ, ибо только духъ терпимости даетъ возможность серіознымъ попыткамъ найти истину, освобождаетъ духъ отъ предразсудковъ, расширяетъ взгляды, и обусловливаетъ дружескія отношенія среди приверженцевъ различныхъ религій и убѣжденій.

Единство людей не исключаетъ индивидуальности. Поэтому участіе и забота о высшихъ интересахъ ближняго будетъ согласна съ тѣмъ міровымъ закономъ, который ведетъ постепенно всякую эволюцію къ уничтоженію какъ распри, такъ и однообразія. Мы твердо увѣрены, что и Россія скажетъ свое оригинальное слово и внесетъ въ теософію свой ей одной присущій элементъ.

Братство религій.

Читатель, вниманіе котораго привлечетъ это заглавіе, можетъ воскликнуть: „Сколько бы ни было религій, имъ главное недостаетъ братства!"

Дѣйствительно, что мы видимъ въ исторіи религій прежнихъ временъ? Не обращаясь даже къ древности, мы встрѣчаемъ только религіозную борьбу: каждая религія стремится господствовать и уничтожить свою соперницу, и мы видимъ повсюду самыя жестокія религіозныя войны, преслѣдованія безъ пощады: крестовые походы, инквизиціи и ужасы всякаго рода. Слѣдовательно, звучатъ какъ бы насмѣшкой слова: „братство религій", которое проявилось только на полѣ брани и при заревѣ пламени безчисленныхъ костровъ.

Борьба впрочемъ не всегда происходила между двумя различными религіями. Въ лонѣ одной и той же церкви образовывались секты, которыя часто воевали между собой. У нехристіанскихъ народовъ ненависть служителей „Князя мира" вошла въ поговорку, и въ христіанствѣ слово „Религія" почти синонимъ раздора и несогласія.

Дѣйствительно: римскіе католики, лютеране, кальвинисты и др. много разъ нарушали миръ своими ожесточенными спорами. Великобританія и Ирландія до сихъ поръ питаютъ завѣщанную имъ ненависть къ протестанскому парламенту за изданіе ужаснаго уложенія о наказаніяхъ, предназначеннаго для римскихъ католиковъ. Раздѣленной пополамъ Франціи угрожаетъ гражданская война, возмездіе „свободной мысли" за прошлую тиранію католической церкви. Въ Бельгіи большинствомъ голосовъ клерикаловъ или антиклерикаловъ рѣшаются политическіе вопросы. Въ Исламѣ ожесточенные споры между шіасами и сумисами, которые соединяются только, чтобы выдать невѣрнаго суфи. И даже у индусовъ до нашихъ дней спорятъ вашнавасы и шайвасы, проявляя узость взглядовъ, достойную восточныхъ миссіонеровъ.

Словомъ, религіозные споры представляютъ собою типъ самыхъ горькихъ и менѣе всего братскихъ раздоровъ между людьми.

* *
*

Но не всегда было такъ. Антагонизмъ религій есть чужеядное растеніе, порожденное новѣйшимъ стремленіемъ каждой религіи считать себя единственной, свыше-вдохновенной и истинной. Въ древности существовало много религій: по большей части каждая изъ нихъ была національна и не стремилась подчинить себѣ сосѣдній народъ. Каждый народъ имѣлъ свою религію, точно также какъ имѣлъ свои законы и обычаи. Люди рождались и умирали въ вѣрѣ своихъ отцовъ. А потому чисто религіозныя войны были рѣдки въ исторіи древняго міра.

Когда евреи покорили Палестину и избили языческіе народы, то это была скорѣе завоевательная война, внушенная обыкновенной человѣческой алчностью, чѣмъ война между Іеговой, ихъ Богомъ, и богами завоеванныхъ народовъ, хотя конечно проявлялось и стремленіе присоединить покоренныя языческія племена къ своей вѣрѣ.

Замѣтимъ, что въ одной и той же религіи часто мирно уживались многочисленныя системы толкованій. Въ индуизмѣ есть до сихъ поръ шесть философскихъ системъ „точекъ зрѣнія", ученія сохранившіяся отъ прошлаго; приверженцы ихъ настолько согласны между собой, что доводы всѣхъ ихъ преподаются въ каждой религіозной школѣ. Одно изъ такихъ ученій, Веданта, признаетъ три различныя между собой точки зрѣнія на самое основное изъ ученій: отношеніе между Богомъ и Духомъ, и, несмотря на это, эти подраздѣленія живутъ другъ подлѣ друга, и слушатели одной и той же школы изучаютъ ихъ всѣ три, не нарушая своего правовѣрія.

Въ могущественномъ государствѣ древняго Рима всѣ вѣрованія были допущены, всѣ религіи почитаемы и уважаемы. Въ Пантеонѣ—храмѣ всѣхъ боговъ—находились изображенія боговъ всѣхъ зависимыхъ народовъ, и римскіе граждане ихъ всѣхъ уважали. Если новый народъ входилъ въ составъ государства и почиталъ божество въ новой еще неизвѣстной формѣ, то изображенія или символы новаго братскаго народа съ почтеніемъ вносились въ родной Пантеонъ и торжественно выставлялись тамъ. Такимъ образомъ древній міръ былъ дѣйствительно проникнутъ либеральной идеей, что религія есть личное или національное дѣло, въ которое никто не имѣетъ права вмѣшиваться.

Для древнихъ Богъ былъ всюду, въ каждой вещи, и на внѣшнюю форму его почитанія обращалось мало вниманія: Богъ былъ Существо вѣчное, невидимое, вездѣсущее, но собственно подъ какимъ именемъ Его призывали мало интересовало. Религіозная свобода древняго міра выражалась словами Кришны: „Какъ бы ко мнѣ люди ни приближались, они мнѣ всегда пріятны, потому что по какой бы тропѣ они ни шли, эта тропа—Моя".

Религіозныя гоненія впервые запятнали лѣтописи Римскаго Государства, когда зарождающееся христіанство вошло въ столкновеніе съ государствомъ. Тогда была пролита христіанская кровь, но не потому, что христіанство было религіозной сектой, а потому что христіане считались измѣнниками государства, нарушителями общественнаго міра. Они требовали превосходства своей религіи надъ остальными и вызывали этимъ ненависть и возмущеніе. Они нападали на религіи, которыя до тѣхъ поръ мирно жили рядомъ, доказывая, что они одни правы, а всѣ остальные неправы. Ихъ нападки и нетерпимость порождали злобу и причиняли волненія вездѣ, гдѣ они являлись. Показалась подозрительной ихъ вѣрность государству, особенно, когда они отказались, вопреки обычаю, курить ѳиміамъ передъ статуей царствующаго императора, объявивъ, что это обычай языческій. Римъ усмотрѣлъ въ новой религіи угрозу верховной власти и, несмотря на свою терпимость въ вопросахъ религіи, немилосердно преслѣдовалъ всякое неподчиненіе политикѣ. Значитъ, Римъ преслѣдовалъ христіанъ, какъ непокорныхъ, а не какъ еретиковъ: бросалъ ихъ на съѣденіе львамъ, гналъ ихъ въ пустыни и подземелія изъ городовъ. Вотъ это то требованіе христіанства быть единственной истинной религіей и создало религіозное гоненіе, отъ котораго страдало прежде оно само, съ тѣмъ, чтобы потомъ преслѣдовать другихъ.

До тѣхъ поръ пока ваша вѣра будетъ вашей, а моя вѣра—моей, и пока ни вы, ни я не будемъ насильно навязывать другъ другу своей вѣры—вопросъ о гоненіи и ненависти невозможенъ. Но если бы я сказалъ своимъ ближнимъ: „Ваше представленіе о Богѣ ложно, а мое вѣрно, одинъ я могу указать вамъ путь къ спасенію, и если вы не согласитесь со мной,—вы будете осуждены,“ то, чтобы быть послѣдовательнымъ и логичнымъ, и имѣя власть, я долженъ былъ бы стать гонителемъ, такъ какъ справедливѣе сжечь на этомъ свѣтѣ невѣрующихъ, чѣмъ допускать ихъ распространять свою ересь и тѣмъ осуждать себя на „вѣчный огонь.“ Но съ другой стороны съ такими мнѣніями и не имѣя власти, есть вѣроятіе, что я самъ подвергнусь гоненію, потому что люди не переносятъ высокомѣрія тѣхъ, кто не позволяетъ имъ смотрѣть на небо черезъ свой телескопъ, не похожій на ихъ.

Итакъ христіанство изъ гонимой религіи стало первенствующей и завладѣло властью государства. Союзъ Государства и Церкви придалъ религіозному гоненію значеніе полуполитическое, потому что въ религіозной ереси усмотрѣли недостатокъ вѣрности, а въ отказѣ вѣрить въ то, во что вѣритъ глава государства, усмотрѣли измѣну этому послѣднему, и такимъ образомъ создалась печальная исторія христіанства, исторія, которую любящій Религію въ прямомъ смыслѣ, не взирая на то, христіанинъ онъ или нѣтъ,—не

можетъ читать безъ слезъ и отчаянія. Посмотримъ, какъ накладывается печать разрушенія на тѣ націи, которыя не по-братски относились къ другимъ религіямъ.

Испанія яростно преслѣдовала мавровъ и евреевъ, она ихъ жгла, мучила и четвертовала тысячами; утомленная убійствами она ихъ ссылала, и ея дороги покрылись трупами, но слезы и крики слабыхъ, такъ безжалостно преслѣдуемыхъ ею, наконецъ возстали противъ нея, какъ мстители, ускорили ея паденіе и сдѣлали изъ Испаніи, когда то господствующей въ Европѣ, то незначительное государство, какое она представляетъ теперь.

Исламъ тоже перенялъ у христіанства ядовитое зло преслѣдованія. Забывъ мудрые уроки Али, онъ пошелъ по ложному пути и уничтожалъ невѣрныхъ. Именемъ милосерднаго Магомета его служители оттачивали палаши. Тоже паденіе мусульманскаго монгольскаго государства мы видимъ и въ Индіи. Законъ братства сказывается въ томъ, что все, что живетъ не по братски, разрушается. Законъ природы такъ же проявляется въ разрушеніи всего того, что ему противится, какъ и въ процвѣтаніи всего, что находится съ нимъ въ согласіи.

* *
*

Различныя религіозныя вѣрованія служили бы даже ко благу Религіи, если бы онѣ составляли братство, а не поле битвы. Каждая религія имѣетъ что-нибудь свое, только ей присущее, что она приноситъ міру, и что другія религіи не могутъ ему дать. Каждая религія произноситъ одну букву Великаго, Вѣчнаго, Единаго Имени, и это Имя будетъ только тогда полно, когда каждая религія, согласно съ другими, произнесетъ букву, которую ей назначено сказать людямъ. Богъ такъ великъ и обширенъ, что ни одинъ человѣческій умъ, ни одна религія, какъ бы хороша она ни была, не въ состояніи выразить Его безконечнаго совершенства. Вся вселенная не можетъ отразить его; безчисленныя множества міровъ не могутъ исчерпать Его.

Звѣзда говоритъ намъ о Его сіяніи, сіяніи Бога—Солнца всѣхъ солнцевъ. Планета, вращающаяся въ неизмѣнномъ порядкѣ, говоритъ, что такова была Его воля. Лѣсъ дышетъ Его красой, гора Его силой, рѣка—Его оплодотворяющей жизнью, океанъ—Его неизмѣннымъ движеніемъ. Ни одинъ предметъ, ни одно изящное очертаніе, ни богатство красокъ, ни даже сердце человѣка, въ которомъ Онъ живетъ, не въ состояніи передать безконечнаго совершенства Высшаго Существа. Въ каждомъ предметѣ отражается отрывокъ Его славы, и только совокупность всего прошлаго, настоящаго и будущаго въ состояніи дать понятіе о Его безконечности и вѣчности.

Одна религія также не можетъ указать всѣ виды Его безчисленныхъ проявленій.

Что говоритъ міру Индуизмъ?—Онъ говоритъ: *Dharma*—законъ, порядокъ, исполненіе долга, опредѣленное мѣсто каждому, послушаніе.

Что говоритъ религія Зороастра?--Она предписываетъ *Чистоту* въ мысляхъ, словахъ, поступкахъ.

Что говоритъ Буддизмъ?—Онъ говоритъ: *Мудрость*—знаніе, обнимающее все и соединенное съ чистой Любовью, любовью къ человѣку, служеніе человѣчеству, состраданіе, любовное отношеніе къ низшимъ и болѣе слабымъ.

Что говоритъ Христіанство?—Оно предписываетъ *Самоотреченіе*; его символъ—крестъ, оно говоритъ, что всюду, гдѣ человѣческій духъ распинаетъ на крестѣ свою плоть и возвышается до Всевышняго,—что тамъ сіяетъ крестъ.

А Исламизмъ, эта самая юная изъ великихъ религій, что говоритъ онъ. Онъ говоритъ —*Покорность*, предоставленіе себя той Волѣ, которая руководитъ мірами, и всѣ отдѣльныя человѣческія воли соединяетъ въ себѣ.

Словомъ, человѣчество не можетъ потерять ни одного изъ тѣхъ словъ, которыя составляютъ и характеризуютъ каждую вѣру. Будемъ же признавать и изучать различныя религіи, но не съ тѣмъ, чтобы ихъ критиковать, а напротивъ для того, чтобы поучаться изъ нихъ. Допустимъ же христіанина учить міръ тому, чему онъ долженъ, но пусть и онъ въ свою очередь не отбрасываетъ того, чему можетъ научить его братъ изъ Ислама или изъ другого вѣрованія, ибо каждому есть чему поучиться и есть чему научить. Тотъ лучше всего слѣдуетъ своей религіи для котораго главнымъ двигателемъ служитъ любовь къ Богу и служеніе людямъ.

* * *

Почему бы намъ не разсуждать помимо этихъ общихъ принциповъ? На это можно отвѣтить словами: *всѣ великія истины Религіи суть общее достояніе ихъ и не принадлежатъ исключительно ни одной религіи.* Нѣтъ надобности перерывать поля всѣхъ религій міра, чтобы найти источникъ Истины. Будемъ искать его въ нашей собственной религіи, будемъ все глубже погружаться, и мы достигнемъ источника, изъ котораго вода жизни будетъ бить ключемъ.

Но правильно ли на самомъ дѣлѣ это признаніе общности религіозныхъ истинъ, не есть ли это пустое слово? Изучая этотъ вопросъ, мы находимъ, что установленные четыре вида въ каждой религіи, имѣютъ одно общее основаніе. Эти четыре вида суть: символизмъ, доктрина, этика и исторія. Каждый изъ нихъ пред-

ставилъ бы богатый матеріалъ для изученія, но мы ограничимся только набросками каждаго и представимъ ихъ въ видѣ главъ одной книги, которая, правда, еще не издана, но подходящимъ заглавіемъ для нея было бы: „Братство Религій".

Символы.

Во всѣхъ религіяхъ, какъ уже исчезнувшихъ, такъ и еще существующихъ, встрѣчаются тѣ же символы: и въ храмахъ, и на могилахъ, и на сооруженіяхъ.

Крестъ существовалъ какъ религіозный символъ въ мірѣ еще задолго до пришествія Іисуса Христа. Въ наши дни это истина, не требующая доказательства, а вполнѣ извѣстная.

Археологическія изысканія установили ее въ прошедшемъ, а наблюденія путешественниковъ могутъ подтвердить и въ настоящемъ.

Этрурія уже отживала свой вѣкъ, когда нарождался младенческій Римъ. Этрусскія могилы, открытыя въ наши дни, были такъ древни, что только первый работникъ, который раскрывалъ ихъ, могъ замѣтить очертаніе трупа, но проникнувшій воздухъ тотчасъ разносилъ его въ видѣ мельчайшей пыли. Но если тѣло человѣка и превратилось въ пыль, его произведенія еще жили: глиняные сосуды, бывшіе у его ногъ, кувшины, вазы, блюда говорятъ о его вѣрѣ. И вотъ на этихъ древнихъ остаткахъ былъ начертанъ крестъ, говорящій о томъ, что человѣкъ, тѣло котораго превратилось въ невидимую пыль, умеръ съ вѣрою въ безконечную жизнь, торжествующую надъ смертью.

Изъ Египта, гдѣ мы встрѣчаемъ крестъ начертаннымъ на обелискахъ, въ подземельяхъ, гдѣ покоились муміи въ саркофагахъ, на фрескахъ на стѣнахъ храмовъ, онъ распространяется къ востоку, черезъ Ассирію, Халдею, Индію и Китай. Въ самомъ дѣлѣ, на ассирійскихъ черепицахъ, на халдейской глиняной посудѣ, на индійскихъ и китайскихъ храмахъ крестъ находится какъ символъ жизни.

Переплывемъ Тихій океанъ до Америки, остановимся въ Мексикѣ, гдѣ храмы Майа выступаютъ изъ подъ лопатъ неутомимыхъ изслѣдователей, и тамъ опять находимъ крестъ, такой же формы, какъ и въ Египтѣ.

Вернемся черезъ Атлантическій океанъ къ землямъ Скандинавіи и мы услышимъ о молотѣ Тора,—встрѣтимъ опять крестъ.

Перейдемъ отъ чисто религіозныхъ сооруженій къ первымъ массонскимъ храмамъ и тамъ мы найдемъ крестъ на розѣ. Крестъ—символъ жизни, а роза—символъ матеріи въ ея сущности.

Почему „крестъ" всеміренъ? Потому что онъ знакъ Духа, торжествующаго надъ матеріей, которую онъ обрабатываетъ, выливаетъ въ форму и заставляетъ носить свой отпечатокъ. Крестъ

есть символъ силы творчества, добровольной жертвы Самого Бога,— онъ былъ во всѣ времена.

Въ дни духовнаго помраченія крестъ служилъ символомъ низшей силы творенія, онъ былъ свергнутъ съ высоты, но это былю заблужденіе, происшедшее отъ узости взгляда, потому что крестъ, понимаемый какъ символъ силы рождать, есть ни что иное, какъ крестъ, свергнутый съ неба на землю. Способность творчества въ человѣкѣ, животномъ и растеніи есть только отраженіе въ грубой матеріи общей жизни, самой священной изъ нашихъ силъ, отъ которой мы происходимъ. Крестъ означалъ еще естественное превращеніе, возрожденіе жизни или перевоплощеніе послѣ могилы или костра, т. е. увѣренность въ безсмертіи.

Изъ этого слѣдуетъ, что ни одна религія не можетъ исключительно себѣ присвоить креста.

Двойной треугольникъ съ однимъ остріемъ наверху, а другимъ внизу, есть такой же распространенный символъ, какъ и крестъ: символъ сплетенія Духа и матеріи, огня и воды въ древнемъ мірѣ.

Пятиконечная звѣзда; семи и девяти конечныя звѣзды. Кругъ съ точкой или крестомъ въ центрѣ, наверху или внизу. Око одно или въ треугольникѣ. Вращающійся дискъ или молнія въ Китаѣ, Японіи, Индіи, Тибетѣ, Греціи, Римѣ и Скандинавіи. Змѣя добра и зла. Драконъ и плодъ, Древо и т. д.—все это символы большого значенія, существовавшіе въ глубокой древности, и слѣды которыхъ изыскатель можетъ встрѣтить во многихъ мѣстахъ, но на которыхъ я не могу останавливаться въ данную минуту.

Я здѣсь также не упомяну о символахъ церковныхъ обрядовъ и церемоній, о постриженіи, о стихарѣ и епитрахилѣ и капюшонѣ; о рукѣ поднятой съ двумя сложенными перстами, о папѣ и объ языческихъ жрецахъ; о знакахъ богослуженія, о символическихъ окропленіяхъ, хотя это все вопросы не лишенные интереса.

На самомъ дѣлѣ есть только одинъ Богъ, одна Природа, одна Религія. Символизмъ есть общій языкъ, который указываетъ на источникъ, откуда происходятъ всѣ религіи, и этотъ источникъ есть Религія—Мудрость, Религія—міра, хотя древняя, но всегда новая. Эта религія мудрости была основана „Старшими Братьями" человѣчества и дана въ распоряженіе всѣхъ людей, всѣхъ временъ и мѣстъ, какъ источникъ, основаніе всѣхъ религій, изъ которыхъ ни одна не можетъ имѣть притязанія быть единственной, обладающей истиной.

Общія доктрины.

Если мы разсмотримъ доктрины, общія всѣмъ великимъ религіямъ, то увидимъ, что основныя истины, на которыхъ онѣ зиждятся, имѣютъ одно общее основаніе.

Каковы же эти главныя ученія? Единство Бога, Троичность проявленія Божества, Іерархіи небеснаго міра, природа человѣка, его перевоплощеніе, великіе законы. Есть еще и другія, но я должна ограничиться только главнѣйшими въ этомъ краткомъ обзорѣ.

1) *Единство Бога.* Какая религія можетъ требовать монополію этой доктрины? Индусъ учитъ: «Одинъ, не имѣющій себѣ подобнаго». Послѣдователи Зороастра говорятъ о Zarvan akarana-Безконечномъ. Еврей восклицаетъ: „Внимай, о Израиль, нашъ Богъ единственный Господь!» Буддизмъ учитъ, что отъ Одного несотвореннаго всемірнаго происходитъ все твореніе. Христіанинъ восклицаетъ: «Есть только Одинъ Богъ». Сыны Ислама также признаютъ, что Богъ есть Богъ и нѣтъ иного Бога; значитъ ученые Ислама и индусы одинаково понимаютъ Единство Существа, и ихъ ученія соединяютъ какъ бы мостомъ Индуизмъ и Магометанство, который со временемъ, мы надѣемся, будетъ имѣть великую будущность.

Казалось бы, что, въ виду такого категорическаго и единогласнаго признанія Единства всѣми религіями, онѣ не должны бы были ссориться между собой по поводу этого вопроса. Онѣ могутъ облечь въ разныя одѣянія великую истину и дать ей различныя названія. Человѣкъ, мѣняя одежду, не перестаетъ быть тѣмъ же человѣкомъ, и истина, провозглашенная на нѣсколькихъ языкахъ, не перестаетъ быть той же истиной. Каждая религія имѣетъ свой языкъ, и вотъ это различіе и разнообразіе выраженій—скрываютъ за собой тождество вѣрованій.

2) *Троичность божественнаго проявленія.* Какой религіи принадлежитъ исключительно ученіе о Троичности? Уже переставшія существовать религіи только подкрѣпляютъ въ этомъ нынѣшнія, какъ впрочемъ во всемъ, касающимся основныхъ истинъ Философія индусовъ признаетъ Сата, Шита и Ананда, тогда какъ голосъ народа призываетъ Брама, Вишну и Магадеву. Парсизмъ говоритъ объ Агурамазда, Ангро-Майньюсъ и Армути. Буддизмъ говоритъ объ Амитабѣ, безграничномъ Свѣтѣ, объ Авалокитесвари и Манджусри. Еврей—о Кетерѣ, Бина и Шокина. Христіанинъ—объ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ. Только мусульмане по извѣстнымъ историческимъ причинамъ не присоединяются къ этому общему хору.

„Онъ не рождаетъ и Самъ не рожденъ", говорятъ они, намекая на христіанское ученіе, а между тѣмъ въ Коранѣ ясно просвѣчиваютъ характерные символы троичности Существа: „Всемогущій, Милосердный и Мудрый". Легче найти эту тройственность, если вспомнить характерные признаки каждаго лица: Первое— есть источникъ вѣчнаго Блаженства; Второе — источникъ сознанія, отъ него происходитъ воплощеніе; Третье—есть ментальный дѣятельный Творецъ, дающій жизнь міру.

3) *Небесные чины и ихъ міры.* Здѣсь различіе языковъ и выраженій, о которомъ я уже упоминала, породило массу недоразумѣній въ понятіяхъ. На Востокѣ Богъ остается всегда единымъ. Христіанство признаетъ, что хотя каждое изъ Лицъ Троицы есть Богъ, но эти всѣ три Лица составляютъ одного Бога, а не трехъ; значитъ существуетъ единство природы съ различіемъ опредѣленія. Но имя „Богъ" никогда не примѣняется на Востокѣ къ другимъ небеснымъ чинамъ, которые стоятъ на высшихъ ступеняхъ Существъ. Для восточныхъ народовъ эти іерархіи составляютъ: Архангелы, Ангелы, Херувимы, Серафимы и пр. призываемые, почитаемые и даже обожаемые, но признанные за служителей Всевышняго. У парсовъ это амешаспенты и ихъ когорты.

У евреевъ и магометанъ—Ангелы, у буддистовъ и индусовъ—Дева, слово, которое означаетъ свѣтоносный, выраженіе вполнѣ описательное и подходящее. Къ несчастью, восточные писатели перевели слово Дева словомъ Богъ, и изъ этой ошибки перевода выходило, что въ Индіи поклоняются тридцати тремъ милліонамъ боговъ, что очень потѣшаетъ несвѣдущихъ людей.

Брама совершенно соотвѣтствуетъ понятію Богъ, а Дева означаетъ ангелъ. Англичанинъ Джонъ Буньянъ въ своемъ „Pilgrim's Progress" употребляетъ выраженіе „Свѣтоносный" для обозначенія ангеловъ, и дѣйствительно это слово вполнѣ подходитъ для ихъ обозначенія: они, какъ молнія, прорѣзываютъ эмпиреи, исполняя свое назначеніе оказыванія помощи и освобожденія. Дева для индуса и буддиста есть то же, что Архангелъ для христіанина и мусульманина, и его существованіе нисколько не мѣшаетъ единству Бога въ обоихъ случаяхъ. Было бы все равно утверждать, что вице-короли, судьи, чиновники, генералы и адмиралы отнимаютъ верховную власть у государя, или говорить, что Дева отнимаютъ у Бога Его первенство. Они приводятъ въ исполненіе законы природы, они помогаютъ людямъ, спасаютъ ихъ отъ многихъ опасностей и поддерживаютъ ихъ въ часы скорби. Они не боги—если только не признавать и насъ за боговъ, потому что Богъ живетъ въ нихъ также, какъ и въ насъ. Никто не пойметъ политеизмъ у индусовъ и у буддистовъ, если не объяснитъ себѣ, что Дева имѣетъ значеніе только по тому Духу, который въ немъ. Какъ печаленъ и одинокъ былъ бы міръ, если бы въ немъ существовали единственныя духовныя Существа—Богъ и человѣкъ. Какъ бы онъ былъ пустъ безъ тѣхъ свѣтлыхъ Существъ, которыя занимаютъ всѣ высшія ступени надъ нами. Существуетъ громадная постепенность существованій между какимъ нибудь минераломъ и Создателемъ вселенной; мы образуемъ только одну ступеньку, ничѣмъ не отличаясь отъ стоящихъ выше и ниже насъ. Значитъ Девы, какъ и люди, не могутъ нарушить понятія объ Единствѣ Бога.

Правда, что индусы и буддисты такъ же, какъ и греки и католики, извлекаютъ выгоду изъ этого „Министерства Ангеловъ", они обращаются съ молитвами къ этимъ министрамъ Божества. Почему бы нѣтъ? Ангелы и Девы воплощаютъ въ себѣ часть Всемірнаго Божества, въ нихъ свѣтъ Брамы. Какое же зло въ томъ, если менѣе развитые умы, для которыхъ недоступно понятіе о Вездѣсущемъ Богѣ, обратятся къ болѣе понятному для нихъ Духу, развѣ можно въ этомъ усмотрѣть идолопоклонство? Нѣтъ, нѣтъ. Идолопоклонство въ дурномъ смыслѣ есть обожаніе самого предмета, а обожаніе Всемірнаго Существа во всѣхъ видахъ Его есть хорошее идолопоклонство, которое пробуждаетъ умъ и заставляетъ сильнѣе биться сердце.

Міръ небесныхъ чиновъ гораздо непостижимѣе, чѣмъ міръ физическій, а потому онъ недоступнѣе пониманію.

Книги индусовъ и послѣдователей Зороастра подробно распространяются на эту тему и даютъ разныя описанія.

Будда говоритъ, что онъ видѣлъ низшій міръ со всѣми его духами и высшіе міры. Христіанинъ и мусульманинъ вѣрятъ въ небо и въ адъ и говорятъ намъ объ этомъ въ своихъ писаніяхъ. Не стоитъ долѣе останавливаться на столь извѣстныхъ фактахъ.

4) *Природа человѣка.* Человѣкъ божественъ. Это Духъ скрытый въ глубинѣ и облеченный въ вещественныя одѣянія.

Индусъ возвѣщаетъ: „Я самъ—Онъ". Китайскій Буддизмъ говоритъ о Духѣ въ тѣлесномъ сосудѣ. Еврей объявляетъ: „вы суть Боги", а Христіанинъ въ религіозномъ экстазѣ утверждаетъ, что тѣло есть храмъ Бога. Мусульманинъ не такъ ясно выражается объ этомъ, но все таки и онъ утверждаетъ безсмертіе человѣка и говоритъ, что все погибнетъ, кромѣ Образа Божія. (Коранъ гл. XXVIII). Мы принуждены заключить изъ этого, что онъ признаетъ тождество природы Бога и человѣка. Это единеніе еще яснѣе видно изъ мусульманскаго ученія Суфи; поэтъ Жами говоритъ въ стихахъ: Богъ есть Существо абсолютное, а все остальное призраки и въ Его вселенной всѣ существа едины. Его міръ чарующей красоты проявляетъ ее въ тысячѣ видовъ, но все же Онъ одинъ. У другихъ поэтовъ встрѣчается та же мысль.

Порою, задаешь себѣ вопросъ: имѣетъ-ли человѣкъ Духа? Нѣтъ, онъ Его не имѣетъ, такъ какъ человѣкъ самъ есть Духъ, но этотъ Духъ имѣетъ плоть; не плоть управляетъ Духомъ, а Духъ плотью. Духъ не принадлежитъ тѣлу, а оно принадлежитъ Духу. Тѣло временно, а Духъ вѣченъ, тѣло рождается въ мірѣ и въ немъ умираетъ, Духъ не рождается и не умираетъ.

Тотъ, кто присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ человѣка вѣровавшаго въ безсмертіе, видѣлъ, какъ Духъ, вѣчно живущій, радовался вѣчной жизни, открывавшейся передъ нимъ, послѣ того, какъ онъ освободился отъ бремени своего тѣла,—тотъ

человѣкъ видѣлъ, что нѣтъ смерти въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Смерть есть только переходъ изъ одной комнаты въ другую въ жилищѣ Вселенной. Умереть значитъ снять съ себя тяжелое одѣяніе и продолжать путь въ болѣе легкой одеждѣ. Со смертью человѣкъ не теряетъ своихъ умственныхъ и душевныхъ способностей, онъ теряетъ только тѣло. Мы—духи, искры одного Огня, созданы по подобію Вѣчнаго Бога, наша продолжительность есть Его продолжительность.

5) *Перевоплощеніе человѣка.* Мнѣ скажутъ: „Вы не станете утверждать, что всѣ религіи имѣютъ по этому поводу одно общее ученіе. Какъ можете Вы примирить ученіе Индуизма о перевоплощеніи съ ученіемъ Христіанства о созданіи каждаго отдѣльнаго Духа?"—Конечно, я этого не могу; доктрина о созданіи каждаго Духа есть новое ученіе, это не есть философская доктрина, а вполнѣ не допустимая. Но положеніе мѣняется, если вспомнить, что только въ 533 г. послѣ Р. X. Христіане нашли нужнымъ отвергать вѣчное существованіе Духа. Пускай же его учителя объяснятъ, почему философы того времени отвергли существовавшую доктрину, съ тѣмъ, чтобы распространить въ мірѣ свое ученіе.

Доктрина перевоплощенія, т. е. развитія Духомъ его Божественныхъ силъ посредствомъ ряда совершенствованій—есть доктрина общая всѣмъ религіямъ. Индуизмъ и Буддизмъ учили ей, или вѣрнѣе основывали на ней свое ученіе, какъ на установленномъ фактѣ. Египтяне основывали на ней свое ученіе о загробной жизни. Платонъ, Пиѳагоръ, греки и римляне рѣшительно настаивали на ней. Видно, что и евреи упоминали о ней. Эта была вполнѣ извѣстная доктрина во времена Іисуса Христа, и Онъ не разъ ссылался на нее.

Нѣкоторые Отцы Церкви проповѣдывали ее, и она утвердилась въ нѣкоторыхъ сектахъ Христіанской Церкви.

Съ новою силою она проявилась въ Англіи въ XVIII в., гдѣ ее преподавали мирскіе ученые и духовные отцы. Поэтъ Вордсвордъ воспѣлъ ту же истину въ стихахъ: „Родиться есть ни что иное, какъ забыться и заснуть. Душа—звѣзда жизни, которая приходитъ къ намъ издалека и закатится въ иномъ мѣстѣ".

Въ наши дни эту доктрину проповѣдуетъ часть духовенства церкви утвержденной въ Англіи.

Одна фраза, произнесенная Учителемъ Христіанъ, могущественно доказываетъ ту же истину: „Будьте совершенны, говоритъ Онъ своимъ Ученикамъ,—какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный". Совершенны, какъ Богъ! Можно ли требовать, чтобы кто нибудь изъ насъ, ограниченныхъ, глупыхъ, безпечныхъ, могъ бы стать до своей могилы такимъ совершеннымъ, всевѣдущимъ, всемогущимъ, всесвятымъ каковъ есть Богъ! Какими словами можно передать

всѣ совершенства Всевышняго? И тѣмъ не менѣе Христосъ сказалъ: „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный". Какъ можетъ быть выполнено подобное повелѣніе, если не предположить, что для совершенствованія мы пройдемъ черезъ многія жизни, во время которыхъ мы постепенно будемъ совершенствоваться. Христіане не должны терять надежды исполнить завѣщанныя имъ Сыномъ Божіимъ слова и должны стремиться по праву своего рожденія воплотить въ себѣ Образъ Бога.

Взглядъ Магометанъ на перевоплощеніе не такъ ясенъ; нѣкоторые утверждаютъ, что эту истину можно видѣть въ Коранѣ, но она не входитъ въ религіозное ученіе Магомета. Нѣкогда въ XIII в. по Р. Х. Дарвешъ Іелалъ, ученіе котораго сохранилось въ Меснави, сказалъ:

„Я умеръ въ минералѣ, чтобы стать растеніемъ,
я умеръ въ растеніи, чтобы появиться въ животномъ,
я умеръ въ животномъ и сталъ человѣкомъ.

Зачѣмъ же бояться смерти, развѣ она уничтожаетъ?

Слѣдующій разъ я умру въ человѣкѣ, и у меня отрастутъ крылья ангеловъ. И свыше ангела буду я двигаться, такъ какъ все погибнетъ, кромѣ Его Образа.

Я вознесусь надъ ангелами и стану тѣмъ, чего не можетъ постичь человѣческое воображеніе."

Ученіе Зороастра тоже мало убѣдительно по этому поводу. Нѣкоторые его послѣдователи признаютъ, а другіе отрицаютъ, но надо вспомнить, что вообще ученіе Зороастра состоитъ изъ отрывковъ, и что въ нео-платонической школѣ, которая возобновила его ученіе послѣ уничтоженія библіотеки въ Персеполисѣ Александромъ, находится доктрина о перевоплощеніи.

б) Великіе Законы. Это законы Кармы или законы причины и слѣдствія, и законъ Жертвы или распространенія и сохраненія жизни.

Наука видитъ законъ Кармы въ томъ неизмѣнномъ слѣдованіи одного явленія природы за другимъ, которое она называетъ закономъ природы, теологъ видитъ въ этомъ божественную справедливость. Дѣйствительно это скала, на которой все зиждется, истинная опора для мысли и поступковъ. Этотъ законъ проявляется во всѣхъ мірахъ видимыхъ и невидимыхъ, это всемірный законъ. Онъ хорошо выраженъ въ словахъ:

„Не обманывайтесь: Богъ поругаемъ не бываетъ. Что посѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ." Посл. къ Гал. VI. 7.

Будда также сказалъ: „Страданіе слѣдуетъ за человѣкомъ, который дурно думаетъ или поступаетъ, подобно тому, какъ колесо вертится за воломъ, который везетъ телѣгу... если его слова и поступки плодъ чистой мысли, то счастье, какъ тѣнь за освѣщеннымъ предметомъ, не покидаетъ его." Подобныхъ мѣстъ мы много находимъ въ Индуизмѣ, а также и въ другихъ Религіяхъ.

Законъ Жертвы есть подтвержденіе того факта, что каждая жизнь получаетъ начало отъ добровольнаго или насильственнаго прекращенія другой жизни. Только жизнь Всевышняго поддерживаетъ міры. Въ низшихъ царствахъ эта жертва не добровольна: минералы распадаются, чтобы дать жизнь растеніямъ, а растенія въ свою очередь даютъ жизнь животнымъ и людямъ. Съ умственнымъ развитіемъ въ царствѣ людей станетъ возможно добровольное единеніе отдѣльной личности со вселенной; по мѣрѣ того, какъ это единеніе будетъ становиться полнѣе, духовная жизнь станетъ открываться и наконецъ осуществляться. Въ этомъ и состоитъ идеальная жизнь жертвы для христіанина, символъ креста, и каждый, стремящійся къ состоянію Христа, идетъ по Пути Креста.

Можно было бы до безконечности распространиться и доказать Братство Религій въ общности ихъ доктринъ, но надо ограничиться этимъ; теперь же намъ остается разсмотрѣть общность исторіи и этики всѣхъ Религій.

Анни Безантъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Что такое теософія.

«Проповѣдуемъ премудрость Божію, тайную, сокровенную, которую предназначилъ Богъ прежде вѣковъ къ славѣ нашей».
Пав. I Коринѳ. II. 7.

Слово „Теософія" составлено изъ греческаго тео, (Богъ) и софія (мудрость) и означаетъ высшую степень мудрости или самопознанія Бога въ человѣкѣ. Она есть самопознаніе истины, которое покоится не на слухахъ, наблюденіяхъ, выводахъ, мнѣніяхъ и вооображеніи, но на открытіи истины въ своемъ внутреннемъ мірѣ, и выражается тѣмъ, что человѣкъ доходитъ до истиннаго самопознанія своей высшей природы, живущей въ немъ.

Слѣдовательно, она не имѣетъ ничего общаго съ фантазіями, мечтами и небылицами, она стоитъ выше всякихъ ухищреній ума, почему апостолъ Павелъ называетъ ее въ своемъ посланіи къ Коринѳянамъ „occult" или „сокровенной", не потому, чтобы ее скрывали отъ кого нибудь, а потому, что не всѣ достаточно зрѣлы, чтобы ее постичь. Ее нельзя изучить по книгамъ, но можно найти внутри себя, тамъ, гдѣ свѣтъ изъ высшихъ духовныхъ сферъ вселенной отражается въ душахъ воспріимчивыхъ къ нему людей, тамъ, гдѣ въ тайникахъ сердца живетъ сознаніе Бога, искру котораго приноситъ съ собой каждый человѣкъ, являясь на свѣтъ, и которое можетъ быть пробуждено въ каждомъ вліяніемъ свѣта истины.

Чтобы объяснить это научно, намъ нужно было бы прежде предпослать описаніе всего мірозданія и его различныхъ царствъ, начиная съ высшихъ духовныхъ и кончая матеріальными и видимыми, для того, чтобы указать, что въ распоряженіи человѣка находятся еще другіе источники къ познанію, кромѣ его внѣшнихъ чувственныхъ наблюденій явленій и предметовъ въ мірѣ.

Но здѣсь мы ограничимся тѣмъ, что скажемъ, что мы сами духи и души, хотя и имѣемъ матеріальное тѣло, и что человѣкъ, вслѣдствіе такой составной природы, имѣетъ способность приходить въ сношеніе со всѣми царствами великой природы, получать впечатлѣнія и ощущенія даже изъ высшихъ областей Духа. Безъ этой способности, которая впрочемъ не у всѣхъ развита одинаково, не могли бы существовать духовныя воззрѣнія, предвидѣнія, даръ предсказанія и духовнаго познанія.

Такъ какъ каждое начало въ человѣкѣ можетъ соединяться только съ подобнымъ себѣ: матеріальное только съ матеріальнымъ. Духъ только съ духовнымъ, то отсюда слѣдуетъ, что теософія относится не къ земному бездушному уму человѣка, а принадлежитъ разуму, пробужденнаго къ духовной божественной жизни человѣка, вотъ почему апостолъ Павелъ говоритъ, что она предназначается не для властей міра сего преходящихъ, но Богъ предназначилъ ее для прославленія любящихъ Его. Къ властямъ міра, которые обратятся въ ничто, принадлежатъ всѣ тѣ, мысли которыхъ направлены только на преходящія вещи этого міра, и которые вмѣстѣ съ ними исчезнутъ, если не сознаютъ своего безсмертія.

Согласно началамъ человѣческой природы у человѣка существуетъ чувственное, психическое, умственное и духовное или вѣрнѣе „духовно-божественное“ воспріятіе и познаніе.

На каждой ступени, на которой находится человѣкъ, до него могутъ достигать впечатлѣнія слѣдующей высшей ступени. Онъ видитъ, какъ черезъ покрывало, высшія равнины бытія. Но только тогда, когда онъ проснется къ сознанію бытія на одной изъ нихъ и станетъ ея обитателемъ, тогда только онъ постигнетъ природу высшаго бытія. Слѣдовательно, совершенно напрасно будетъ стремиться земной умъ человѣка постичь тайны высшаго черезъ наблюденія и опытъ, только Духъ Божій, находящійся въ людяхъ, можетъ изслѣдовать сущность предметовъ, даже глубину Божества.

Богъ есть истина. Истина есть дѣйствительность: она—высшій идеалъ, который можно только себѣ представить, такъ какъ все, что не истинно, есть обманъ или миражъ. Познаніе абсолютной истины есть божественное познаніе или „теософія“, которой можно достичь только воплощеніемъ идеала.

Въ человѣкѣ пробуждается божественная природа, когда онъ достигаетъ истиннаго самопознанія, т. е. достигаетъ такой мудрости, которая предназначена не смертному человѣку, а его безсмертной части.

Теософія не имѣетъ дѣла съ доказательствами и теоріями, она основана только на самой себѣ. Истина дѣлается понятна каждому сама собой, кто ее постигаетъ. Смотря по степени самопознанія, каждый человѣкъ имѣетъ масштабъ, которымъ онъ можетъ измѣрять сколько истины заключается въ какомъ нибудь предметѣ. Безъ этого собственнаго познанія для него не существовали бы доказательства, потому что тогда онъ не могъ бы судить о справедливости доказательства. Сама же истина не требуетъ другого доказательства какъ только познанія ее; если бы для нея существовало другое доказательство, то значитъ, существовало бы нѣчто высшее истины.

Въ такомъ смыслѣ взятая теософія есть то, къ чему стремится человѣчество. Она конечная цѣль каждой религіи, каждаго

знанія, ученія, воспитанія, потому что все это нужно только для того, чтобы образовать человѣка, вызвать его духовный ростъ и привести его на путь истины. Она конечная цѣль каждаго развитія. Всѣ царства природы стремятся возвыситься до человѣка, чтобы черезъ него достичь истины, достичь Бога. Познаніе истины есть альфа и омега, начало и конецъ всякаго высшаго стремленія. Безъ этой силы не можетъ быть развитія истины, и даже самый просвѣщенный человѣкъ не можетъ никогда мечтать достигнуть чего либо болѣе возвышеннаго, чѣмъ совершенное познаніе.

Существуетъ только одна вѣчная истина, и тѣ, которые ее признаютъ, знаютъ ее такой, какова она есть. Она неизмѣнна. О ней не можетъ быть различныхъ мнѣній. Познаніе у всѣхъ просвѣщенныхъ людей одинаково по качеству и можетъ отличаться только въ количественномъ отношеніи, въ зависимости отъ горизонта, который у однихъ шире, чѣмъ у другихъ, но онъ не мѣняется, а только расширяется по мѣрѣ подниманія на высоту.

Каждая религія, знаніе, ученость только настолько вѣрны, насколько въ нихъ заключается истина. Основаніе ихъ всѣхъ есть познаніе истины, безъ котораго они всѣ не имѣютъ цѣны. То, что вѣрно въ религіи, должно быть вѣрно и въ наукѣ; религіозное познаніе, если оно вѣрно, должно согласоваться и съ научнымъ, а иначе одно изъ нихъ ложно, потому что истина не можетъ быть сама по себѣ различна.

Слово „религія" происходитъ отъ латинскаго „religare" и означаетъ то, что связываетъ человѣка съ его первымъ началомъ, и эта связь не есть какая либо теорія, а духовное познаніе этого самаго начала. Не свѣтскій умъ человѣка можетъ познать Бога, а небесный Духъ человѣка предчувствуетъ, чувствуетъ и признаетъ свое божественное происхожденіе, и вотъ это внутреннее познаніе называется духовной вѣрой; оно беретъ свое начало въ любви къ истинѣ и приводитъ къ „теософіи". Чѣмъ больше душа человѣка приближается къ своему божественному началу, тѣмъ больше она проникается къ нему любовью, а изъ любви вытекаетъ сила познанія и объединеніе. Такъ возносится человѣкъ къ Божеству. Вѣра и любовь тѣ крылья, которыя поднимаютъ его душу на ту высоту, гдѣ духъ видитъ свѣтъ истины, и этотъ свѣтъ, проникая въ его душу, освѣщаетъ ее.

Нельзя смѣшивать теологіи съ теософіей. Первая относится ко второй, какъ теорія къ практикѣ или наука къ искусству. Одно знаніе еще не дѣлаетъ мастера. Теологъ, если онъ не теософъ,— знаетъ, а теософъ—можетъ. Одинъ учитъ, а другой дѣйствуетъ. Чтобы стать теологомъ нужно немного способности и хорошую память, но никто не можетъ сдѣлаться настоящимъ теософомъ безъ Духа

истины, который есть духовный свѣтъ и жизнь человѣка. Точно также каждый можетъ стать ученымъ, если онъ будетъ достаточно долго посѣщать школу, но ученый еще далеко не геній. Человѣкъ можетъ всю Библію и всѣ теософическія ученія всѣхъ мудрецовъ выучить наизусть и все таки не получить отъ этого самопознанія, точно также, какъ можно преподавать слѣпому всевозможныя теоріи свѣта и все таки не заставить его отъ этого видѣть.

Теологія говоритъ о божественномъ свѣтѣ, а теософія сама есть этотъ свѣтъ. Безъ искры священнаго огня, отъ котораго рождается этотъ свѣтъ, человѣкъ былъ бы не болѣе, какъ разумное животное.

Если у человѣка не пробудится самопознаніе выше его личнаго, то онъ не живетъ въ дѣйствительности и не знаетъ самого себя. На самомъ дѣлѣ большинство людей заключены въ какую то жизнь сна. Человѣкъ можетъ быть наружно очень живымъ, умнымъ, проницательнымъ, хитрымъ, страстнымъ и т. д. и всетаки быть при этомъ мертвымъ духовно, не способнымъ ни къ какому высшему побужденію. Люди живутъ въ мірѣ своихъ представленій, а не въ дѣйствительности. Они въ своихъ представленіяхъ счастливы или несчастны, радуются или страдаютъ, и все таки ихъ жизнь есть сонъ — до тѣхъ поръ, пока они не достигнутъ истиннаго самопознанія.

Человѣкъ думаетъ, живетъ и дѣйствуетъ самостоятельно только въ той степени, насколько онъ познатъ самого себя. Въ человѣкѣ безъ истиннаго самопознанія, т. е. безъ познанія своего безсмертнаго „Я", думаетъ и дѣйствуетъ природа. Онъ одновременно и центръ и орудіе, и въ немъ дѣйствуетъ не его собственная божественная сила, а земной духъ. Онъ не господинъ своихъ чувствъ и впечатлѣній, своихъ желаній и мыслей, и если его тѣло спитъ, то сознаніе его прекращается. Но духъ, пробужденный къ высшему самопознанію, не спитъ. То, что для другихъ—ночь, то для него свѣтлый день. Онъ вступаетъ въ высшее духовное бытіе; при каждомъ пробужденіи высшаго сознательнаго состоянія для него отверзаются врата новой жизни: совершается возрожденіе для новаго существованія.

Теософія есть познаніе Бога. Но какъ можетъ смертный познать Бога?

Богъ, котораго могъ бы человѣкъ познать своимъ умомъ, былъ бы менѣе, чѣмъ человѣкъ. Мудрость есть самопознаніе, а такъ какъ существо не можетъ достичь самопознанія чего либо, что не оно само, то и теософія достигается только объединеніемъ съ божествомъ.

Только Одинъ Богъ можетъ познать себя, какъ Бога; только божественное можетъ познать божественное въ своей природѣ. Чѣмъ ближе душа приближается къ божественному состоянію, тѣмъ болѣе она сама становится причастна божественной природы и преисполнена свѣта, силы, святости, могущества и славы божественнаго бытія.

Благочестивый мечтатель смотритъ на Бога, какъ на нѣчто объективное, чуждое и отдаленное, смотритъ, какъ на предметъ надежды или страха; познающій же Его чувствуетъ себя самого проникнутымъ жизнью Бога. Незнающій составляетъ въ своемъ воображеніи какой нибудь образъ Бога и смотритъ на это произведеніе, какъ на Бога. Настоящій ученикъ мудрости познаетъ въ себѣ самомъ и во всемъ его окружающемъ скрытый и стремящійся къ проявленію идеалъ.

Насколько Богъ есть единственная истина и дѣйствительность, настолько же Онъ единая недѣлимая сущность всѣхъ предметовъ, основаніе всѣхъ существъ, а потому ихъ истинное внутреннее „Я“. Чтобы познать это „Я“, оно должно проявиться въ насъ и достичь нашего сознанія.

Намъ было бы безполезно только умственно вѣрить въ существованіе солнечнаго свѣта вселенной, если бы мы сами при этомъ сидѣли впотьмахъ, безъ свѣта.

Намъ было бы безполезно разсуждать о сущности Св. Духа, если бы Онъ не открылся нашему разуму и не внесъ бы свѣта внутрь насъ. Для того, чтобы видѣть дневной свѣтъ, мы должны открыть глаза пока день; для того, чтобы достичь духа самопознанія, мы должны открыть наше сердце для любви и мудрости и воспринять Его.

Какъ мы видимъ этотъ родъ теософіи не имѣетъ ничего общаго съ магнетизмомъ, гипнотизмомъ, спиритизмомъ, мистицизмомъ и оккультизмомъ, она также не противна христіанству и другимъ религіямъ, но она есть самопознаніе истины, и вслѣдствіе того, что человѣкъ обращается къ самому себѣ и находитъ истину въ свой внутренней сущности, ему становятся ясны всѣ скрытыя тайны каждой религіи.

Въ нашъ нынѣшній вѣкъ люди живутъ гораздо чаще внѣ самихъ себя, причемъ теряютъ и расточаютъ свои силы и вмѣсто того, чтобы ихъ направлять на свой внутренній ростъ, они направляютъ ихъ на внѣшніе предметы, которые хотя и кажутся цѣнны для этой скоротечной жизни, но не принесутъ никакой пользы ихъ владѣльцу, когда окончится его земное существованіе.

Насколько лучше было бы искать то, что приводитъ къ высшему существованію! Это не значитъ, что человѣкъ не долженъ заботиться ни о чемъ на свѣтѣ, долженъ оставаться въ невѣжествѣ и удалиться въ свою личную скорлупу.

Тогда бы навѣрно погибла его личность. Теософія состоитъ вѣрнѣе въ томъ, что она познаетъ истину во всѣхъ вещахъ и все оцѣниваетъ по его истинному достоинству.

Поэтому разумный человѣкъ обращается не къ эгоистамъ, мечтателямъ, медіумамъ и къ „отошедшимъ духамъ", но прямо къ тѣмъ, про кого онъ думаетъ, что они обладаютъ мудростью. Истинное самопознаніе заключаетъ въ себѣ сущность всѣхъ вещей потому что все бытіе произошло отъ божественной мудрости. Оно есть та сила, черезъ которую умъ постигаетъ истину во всѣхъ религіяхъ, философіяхъ и наукахъ.

Всѣ великія открытія вытекаютъ изъ познанія законовъ природы, и эти законы не что иное какъ проявленіе закона Бога въ природѣ.

Духъ Божій заключается во всемъ, начиная съ малѣйшаго атома и кончая величайшей солнечной системой. Во всѣхъ вещахъ есть жизнь и сознаніе, такъ какъ все есть проявленіе *Одной* жизни во всей вселенной. Это давно признано истинной наукой, а сочиненія мыслителей всѣхъ народовъ подтверждаютъ ее. Библія говоритъ: „Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога и Слово было Богъ". Такъ какъ Слово тотъ же Духъ, т. е. сознаніе и жизнь, то значитъ жизнь и сознаніе содержатся во всѣхъ предметахъ, и чѣмъ совершеннѣе форма, образъ, въ которой проявляется жизнь, тѣмъ выше и само проявленіе въ ней жизни.

Богъ, изъ Котораго исходитъ вся жизнь вселенной, не подверженъ никакимъ измѣненіямъ, но формы мѣняются, и въ ихъ развитіи проявляется ихъ жизненная дѣятельность. Духъ остается тотъ же, но видъ его проявленія зависитъ отъ формы, съ которой онъ связанъ, и которая представляетъ его сосудъ и орудіе. Безъ матеріи духъ не видимъ, но когда онъ связанъ съ матеріей, то вызываетъ въ ней опредѣленныя свойства.

Причина, что не всѣ предметы сознательны и совершенны, лежитъ въ несовершенствѣ ихъ формъ.

Сознаніе устрицы и человѣка одно и тоже, но оно иначе проявляется у устрицы, чѣмъ у человѣка. Всѣ формы, которыя создаетъ природа, суть сосуды Духа. Онъ сообщаетъ розѣ ея ароматъ, украшаетъ природу красками, даетъ людямъ разумъ, а животнымъ инстинктъ. Улучшать Его произведенія есть задача развитія.

Мы вездѣ встрѣчаемъ жизнь и движеніе, притяженіе и отталкиваніе. Теплота и свѣтъ, электричество и магнетизмъ тоже виды жизни. Уже въ царствѣ минераловъ мы находимъ склонности и уклоненія, химическій подборъ, соединенія и разложенія, которыя во многомъ напоминаютъ людскія отношенія. Въ царствѣ растительномъ мы имѣемъ уже болѣе развитые организмы, созданные изъ болѣе тонкаго вещества... здѣсь уже есть движеніе соковъ, здѣсь

уже растеніе тянется къ свѣту, а цвѣты открываютъ свои чашечки подъ его вліяніемъ. Между видами животныхъ, къ которымъ принадлежитъ и матеріальное тѣло человѣка, мы находимъ значительно высшія условія проявленія жизни. Тутъ уже проявляется способность мышленія, умъ. Животныя, начиная съ муравья и кончая слономъ, думаютъ и подчасъ превосходятъ человѣка умомъ. Въ породѣ „Homo sapiens" видимая форма достигаетъ высшей степени развитія для проявленія высокой жизнедѣятельности. Здѣсь начинается высшая ступень развитія. Здѣсь мы находимъ силы, которыхъ нѣтъ у животныхъ организмовъ, но для проявленія которыхъ всетаки нуженъ организмъ. Это ничего не значитъ, если мы не видимъ этотъ организмъ нашими тѣлесными глазами, такъ какъ наши физическіе глаза принадлежатъ физическому тѣлу, чувства котораго относятся только къ внѣшнимъ матеріальнымъ предметамъ, но духовно развитый человѣкъ имѣетъ силу погружаться въ самого себя и созерцать свой внутренній міръ.

Животное тоже понимаетъ, что оно есть нѣчто отличное отъ другихъ предметовъ, оно заботится о своемъ личномъ существованіи, и отъ этого происходитъ эгоизмъ. Въ человѣкѣ же мы находимъ высшее самопознаніе, посредствомъ котораго онъ побѣждаетъ свойства своей личности и имѣетъ понятіе о своемъ еще болѣе высокомъ состояніи, которое у него является подобно смутному воспоминанію изъ того времени, когда онъ еще не былъ соединенъ съ матеріей и ея чувственной жизнью и былъ еще свободенъ отъ самообольщенія.

Духовное существованіе требуетъ и духовной организаціи. Когда въ человѣкѣ пробуждается его духовная жизнь, открываются и его внутреннія чувства, и то, что мы называемъ „сверхчувственнымъ" для него перестаетъ быть таковымъ. Какъ для выполненія тѣлесныхъ функцій нужно тѣло, такъ и для духовныхъ функцій существуютъ духовные органы. Назовемъ ли мы этотъ духовный организмъ „астральнымъ" или иначе, сущность дѣла отъ этого не мѣняется.

Лѣтописи восточныхъ мудрецовъ и Библія вполнѣ соглашаются съ этимъ. Санкаракарія описываетъ эти различныя состоянія. Апостолъ Павелъ говоритъ о нетлѣнномъ тѣлѣ: „Какое богатство славы въ тайнѣ сей для язычниковъ, которая есть Христосъ въ васъ, упованіе славы." Колос. I, 27.

Когда наука безсильна намъ помочь, то является намъ на помощь религія. Написано: Если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть Царствія Божія (Іоан. гл. III, 3). Но Царствіе Божіе внутрь васъ есть." (Лука XVII, 21.)

Это царство есть царство познанія Бога, и Отецъ нашъ Небесный въ немъ. Такимъ образомъ духовное возрожденіе происходитъ не послѣ нашей смерти, внѣ нашего тѣла, а во время нашей жизни въ насъ

самихъ. „Рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ Духа есть духъ“. Іоан. III, 6.

Для того, кто не пережилъ самъ и не испыталъ на себѣ эти истины—подобное религіозное ученіе покажется только теоріей и легко можетъ быть непонято; но для тѣхъ, которые достигли духовнаго возрожденія, оно вполнѣ истинно и не требуютъ никакихъ доказательствъ.

Кто достигъ этой степени самопознанія, для того теософическія ученія болѣе не тайна. Для него не нужно доказательствъ безсмертія, такъ какъ онъ сознalъ свое безсмертное бытіе. Никакая философія и духовныя сообщенія не могутъ дать ему той внутренней увѣренности, какую ему даетъ пробужденіе духовной жизни. Ему не нужны теоріи о возможности перевоплощенія, такъ какъ онъ знаетъ Строителя, который строилъ земное жилище для его души. Ученіе о Кармѣ не представляетъ для него тайны, такъ какъ онъ сознаетъ послѣдствія своихъ прежнихъ поступковъ; онъ видитъ въ плодѣ—сѣмя, а въ сѣмени—плодъ. Онъ не будетъ заботиться о будущей жизни послѣ смерти, если уже теперь у него есть сила вырваться изъ темницы земного существованія. То, что кажется для имѣющаго опытность—яснымъ, то для неопытнаго—темно. „Душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ». I Корин. II, 14.

Свѣтъ наполненъ самыми противорѣчивыми теоріями, но истина одна. Кто основываетъ свою вѣру на словахъ разныхъ признанныхъ авторитетовъ и на разныхъ книгахъ, тотъ вѣритъ то одному, то другому, и всетаки не знаетъ, что вѣрно.

Ничего нельзя признать съ полной увѣренностью, кромѣ того, что испыталъ и самъ пережилъ.

Теософія въ настоящемъ смыслѣ этого слова есть духовная божественная жизнь, которую знаетъ только тотъ, кто ее постигаетъ. Она есть настоящее познаніе истины, а потому она есть Божественная мудрость, потому что истинная мудрость въ Богѣ, исходитъ отъ Бога и приводитъ къ Богу.

Ф. Гартманъ.

Спиноза какъ теософъ.

„Отдайте вмѣстѣ со мною прядь волосъ своихъ тѣни святого, но отверженнаго Спинозы! Его одушевлялъ великій Всемірный Духъ; безконечное было для него началомъ и концомъ всего; вселенная была его единственною и вѣчною любовью; онъ былъ исполненъ религіознаго духа и религіознаго чувства и въ этомъ отношеніи стоитъ одиноко и непонятый; достигнувъ совершенства въ своемъ ученіи, онъ высоко возносился надъ цехомъ ученыхъ, не имѣя никакихъ приверженцевъ и даже лишенный правъ гражданства“.

Шлейермахеръ.

Изъ всѣхъ философскихъ системъ Запада ни одна не возбуждаетъ такого интереса у восточныхъ народовъ, какъ ученіе Спинозы. И съ другой стороны ни одна философская система не стоитъ въ такомъ согласіи съ выводами современнаго естествознанія, что дало основаніе одному изъ лучшихъ изслѣдователей ученія Спинозы—Фридриху Поллоку сказать, что Спиноза становится все болѣе и болѣе любимымъ философомъ людей науки. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ такое совпаденіе, но это происходитъ потому, что философія Спинозы даетъ отвѣтъ на всѣ запросы духа. Основаніе наукъ Запада есть чувственное воспріятіе явленій природы и познаніе отношеній, которыя господствуютъ между этими явленіями; наука же Востока начинается именно тамъ, гдѣ кончаются знанія Запада, и основана на познаніи Единства сущности всѣхъ вещей, т. е. на томъ же основаніи, на которомъ покоится вся система Спинозы. Изъ свѣтлаго источника спинозизма вытекаютъ, какъ необходимыя слѣдствія, такія теоріи современной науки, какъ сохраненіе матеріи и силы и эволюціонная теорія, между тѣмъ какъ этика Спинозы содержитъ самую возвышенную теософію.

Въ настоящемъ очеркѣ мы попытаемся представить главнѣйшія идеи Спинозы насколько возможно ясно для читателя. Пониманіе Спинозы сильно затрудняется тѣмъ, что онъ свое ученіе облекъ въ трудную математическую форму, и хотя, по выраженію Гейне, „эта математическая форма подобна жесткой скорлупѣ миндаля, отчего ядро оказывается тѣмъ вкуснѣе“, однако такая форма изложенія очень часто отталкиваетъ желающаго приступить къ изученію Спинозы. „При чтеніи Спинозы—говоритъ Гейне—

васъ охватываетъ такое чувство, какъ при созерцаніи величественной природы въ ея оживленнѣйшемъ спокойствіи. Это цѣлый лѣсъ мыслей, достигающихъ небесъ, съ цвѣтущими вершинами, волнующимися отъ вѣтра, тогда какъ непоколебимые древесные стволы коренятся въ вѣчной землѣ. Отъ сочиненій Спинозы вѣетъ чѣмъ то неизъяснимымъ. Вы какъ будто ощущаете въ себѣ дуновеніе грядущаго".

Въ основѣ его ученія лежитъ идея всеохватывающаго и всеобъемлющаго Единства, Субстанціи, которая проявляется во всѣхъ вещахъ. Безъ бытія этой всеобъемлющей Субстанціи, океана жизни, силы, свѣта не можетъ существовать ничто преходящее, такъ какъ преходящее не имѣетъ въ себѣ силы для своего существованія. „Все, что существуетъ, существуетъ въ Богѣ, и безъ Бога ничто не можетъ ни существовать, ни быть представляемо". Ничто во всей вселенной отъ Бога не исключено. Нѣтъ жизни безъ Его жизни; нѣтъ силы безъ Его силы; нѣтъ энергіи безъ Его энергіи; нѣтъ формы безъ Его формы. Субстанція вѣчна и не разрушима, не имѣетъ ни начала, ни конца. Все, что совершается, опредѣлено къ существованію и дѣйствованію по необходимости Божественной природы, случайнаго нѣтъ ничего. Однако Богъ абсолютно свободенъ, хотя и дѣйствуетъ по законамъ Своей природы, но никѣмъ не принуждается, ибо существуетъ лишь одна Субстанція, которая ничѣмъ внѣшнимъ не можетъ быть опредѣлена къ дѣйствованію. Богъ не отдѣлимъ отъ насъ, мы формы, или, какъ говоритъ Спиноза, модусы божественной Субстанціи. Намъ не надо далеко искать Бога, ибо „въ Немъ живемъ и движемся и существуемъ". Какъ Субстанція проявляется намъ въ видѣ двухъ ея свойствъ: протяженія и мышленія, такъ и человѣкъ—модусъ Субстанціи состоитъ изъ тѣла (модуса протяженія) и души (модуса мышленія). Все, что происходитъ въ нашемъ тѣлѣ, отражается въ душѣ. Пока человѣкъ не сознаетъ своего единства съ Богомъ, онъ ведетъ безсознательную жизнь, отъ которой пробуждается лишь съ наступленіемъ сознанія. Ключъ къ познанію Бога состоитъ въ господствованіи надъ страстями и направленіи сознанія къ безконечному. Когда мы приведемъ въ порядокъ наши страсти, въ нашей душѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается солнце божественной мудрости. Божественная воля проявляется въ природѣ, какъ законъ причинности и справедливости, согласно которому всякое существо пожинаетъ то, что посѣяло въ прошломъ. Какъ каждый отдѣльный человѣкъ, такъ и общество, народъ, раса, человѣчество имѣетъ свой законъ необходимости. Все, отъ чего страдаетъ народъ теперь, онъ самъ причинилъ себѣ въ прошломъ. Спиноза спокойно созерцаетъ природу и человѣческую жизнь. Онъ ищетъ примиренія съ судьбою міра и человѣка и находитъ его въ созерцательной

мудрости. Разсматривая всѣ вещи съ точки зрѣнія вѣчности, онъ стремится отдѣльную судьбу индивида связать съ судьбою всей вселенной.

Какое мѣсто занимаетъ человѣкъ въ природѣ и какое его отношеніе къ вселенной?

Люди, какъ и всѣ вещи въ природѣ, суть проявленія Бога, и человѣческая душа составляетъ часть безконечнаго разума Божія. Человѣческая душа вѣчна и не можетъ уничтожиться. Какъ тѣло человѣка не уничтожается, но составляющіе его элементы вѣчно существуютъ, такъ и душа по смерти не уничтожается. Спиноза разсматриваетъ природу съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ природу дѣйствующую (natura naturans), т.-е. абсолютную Субстанцію, изъ которой все возникаетъ, все состоитъ и въ которую все возвращается, и природу осуществленную (natura naturata), т. е. всѣ проявленія Субстанціи въ отдѣльныхъ вещахъ (модусахъ). Поэтому каждая отдѣльная вещь и человѣкъ имѣютъ двѣ стороны: вѣчную и временную. Какъ волна на морѣ постоянно мѣняетъ свою форму и очертанія, но составляющая ее сущность—вода не мѣняется, такъ и человѣкъ не погибаетъ, какъ форма, но отъ него остается нѣчто вѣчное. Гете такъ выразилъ міросозерцаніе Спинозы:

Въ бурѣ дѣяній, въ волнахъ бытія
Я поднимаюсь.
Я опускаюсь.
Смерть и рожденіе —
Вѣчное море;
Жизнь и движеніе
Въ вѣчномъ просторѣ...
Такъ на станкѣ проходящихъ вѣковъ
Тку я живую одежду боговъ.

Все произведено Богомъ въ высочайшемъ совершенствѣ по вѣчнымъ и необходимымъ законамъ Его природы, иными словами, безконечнаго Его могущества. Откуда же тогда въ природѣ произошло такъ много несовершенства, какъ-то: порча вещей до зловонія, безобразіе ихъ, возбуждающее въ насъ отвращеніе, безпорядокъ, зло, грѣхъ и т. д.? Спиноза отвѣчаетъ на это, что мы не должны судить о совершенствѣ или несовершенствѣ вещей потому только, полезны ли онѣ намъ или вредны, пріятны или непріятны. Надо помнить, что все то, что мы считаемъ за тягостное или дурное, все, что намъ кажется нечестивымъ, ужаснымъ, несправедливымъ и постыднымъ,—все это возникаетъ вслѣдствіе того, что мы представляемъ вещи смутно, искаженно и спутанно. Въ природѣ нѣтъ ничего, что можно было бы приписать ея недостатку, ибо природа всегда остается одной и той же и одна вездѣ; ея сила и могущество дѣйствія, т. е. законы и правила природы, по которымъ все происходитъ и измѣняется изъ однѣхъ формъ въ другія, вездѣ и всегда одни и тѣ же, а слѣдовательно и способъ познанія вещей одинъ и тотъ же. О человѣческихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ надо

трактовать такъ же, какъ если бы вопросъ шелъ о линіяхъ, поверхностяхъ и тѣлахъ.

Спиноза различаетъ три рода познанія: 1) познаніе обыкновенное черезъ безпорядочный опытъ или по наслышкѣ, т. е. познаніе вещей искаженно, смутно и безпорядочно воспроизводимыхъ передъ нашимъ умомъ нашими чувствами (cognitio ab experimentia vaga); 2) познаніе научное, когда мы имѣемъ общія понятія и правильныя идеи о свойствахъ вещей (ratio et secundi generis cognitio); 3) знаніе интуивное (scientia intuitiva). Этотъ родъ познанія ведетъ къ непосредственному воспріятію истины. Какъ примѣръ для иллюстраціи этихъ родовъ познанія, Спиноза приводитъ слѣдующее: Даны три числа для опредѣленія четвертаго, которое относится къ третьему также, какъ второе къ первому. Мы не затруднимся помножить второе число на третье и полученное произведеніе раздѣлить на первое; потому, разумѣется, что мы не забыли то, что слышали безъ всякаго доказательства отъ своего учителя, или потому, что многократно испытали это на простѣйшихъ числахъ (1-й родъ познанія); или, наконецъ, въ силу доказательства математическаго изъ общаго свойства пропорцій (2-й родъ познанія). Въ случаѣ же, когда даны напримѣръ, числа 1. 2. 3, то всякій видитъ, что четвертое пропорціональное число есть 6, ибо это отношеніе видно съ перваго взгляда (3-ій родъ познанія).

Научному познанію Спиноза придавалъ громадное значеніе, но все же находитъ, что оно не такъ дѣйствуетъ на нашу душу, хотя оно вполнѣ законно и находится внѣ всякаго сомнѣнія, какъ третій родъ познанія, который ведетъ къ непосредственному познанію сущности вещей съ точки зрѣнія вѣчности.

Является вопросъ, какимъ же образомъ человѣкъ можетъ быть увѣренъ въ истинности какой-либо вещи? Спиноза отвѣчаетъ, что истинная идея не нуждается въ доказательствѣ своей истинности, но тотъ, кто имѣетъ истинную идею, знаетъ, что познаетъ истину. Какъ свѣтъ обнаруживаетъ и самого себя и окружающую тьму, такъ и истина есть мѣрило и самой себя и лжи. Душа наша, поскольку она правильно воспринимаетъ вещи, составляетъ часть безконечнаго разума Бога, и слѣдовательно необходимо, чтобы ясныя и отчетливыя идеи нашей души были такъ же истинны, какъ идеи Бога. Такимъ образомъ третій родъ познанія—это просто божественное самопознаніе Бога въ людяхъ, или иначе **теософія**. Мудрецъ, твердо держащійся этихъ мыслей, походитъ на спокойный свѣтъ лампы, которая горитъ въ защищеномъ мѣстѣ. Ибо онъ доволенъ самимъ собою и имѣетъ блаженство въ себѣ самомъ. Онъ остается всегда равнодушенъ, какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи, не возвышается однимъ и не принижается другимъ.

Спокойствіе и миръ, благожелательное отношеніе ко всѣмъ людямъ—непосредственное слѣдствіе ученія Спинозы. Но прежде всего человѣкъ освобождается отъ страха смерти. „Человѣкъ свободный ни о чемъ такъ мало не думаетъ, какъ о смерти, и его мудрость состоитъ въ размышленіи не о смерти, а о жизни". Онъ покоится, какъ дитя на лонѣ матери, въ сознаніи этой божественной идеи, и знаетъ, что великій міровой Духъ ни вообще, ни въ его одномъ проявленіи, къ которому принадлежитъ человѣкъ, не можетъ умереть, и что то, что мы называемъ смертью не что иное какъ перемѣна формы. Ангелъ смерти есть ангелъ вѣчной жизни.

Какая цѣль каждаго человѣка? Достиженіе счастья. Но здѣсь взгляды расходятся и то, что большинство людей считаютъ счастьемъ: почести, богатство, чувственныя удовольствія не только не могутъ ихъ удовлетворить, но привязанный къ нимъ человѣкъ рано или поздно обнаружитъ зло и ядъ, содержащіеся въ этихъ вещахъ. Однако есть одно и только одно благо, могущее дать человѣку полное блаженство: познавательная любовь къ Богу (amor dei intellectualis), вытекающая изъ третьяго рода познанія. „Эта любовь, говоритъ Спиноза, называется въ св. книгахъ славой и не безъ основанія". Эта любовь къ Богу отличается тѣмъ отъ обыкновенной любви, что вѣчна, и не подвержена никакимъ аффектамъ зависти или ревности, напротивъ, она становится тѣмъ горячѣе, чѣмъ больше другихъ людей по нашему воображенію соединено съ Богомъ тѣмъ же союзомъ любви. Она составляетъ высшее блаженство человѣка, и въ сущности „познавательная любовь души къ Богу есть самая любовь Бога, которой Богъ любитъ Самого Себя, не поскольку Онъ безконеченъ, но поскольку Онъ можетъ выражаться въ сущности человѣческой души, разсматриваемой подъ формою вѣчности, т. е. познавательная любовь души къ Богу составляетъ часть безконечной любви, которой Богъ любитъ самого себя". Это блаженное состояніе человѣка нельзя сравнить ни съ чѣмъ: блаженство—радость неизяснимая, она не имѣетъ внѣшней причины, но ея причина внутренняя—Богъ. Изъ нея возникаетъ высшее душевное удовлетвореніе какое только можетъ быть, въ немъ заключается наша свобода, и, наслаждаясь имъ, мы знаемъ, что она не имѣетъ ни начала, ни конца, и дана въ вѣчности. Любить людей познавательною любовью, согласно Спинозѣ, значитъ сознавать свою солидарность со всѣмъ человѣчествомъ, трудиться для освобожденія человѣчества отъ невѣжества и предразсудковъ, чувствовать себя членомъ универсальной ассоціаціи людей и желать другимъ того же блага, истины и блаженства, какъ и лично для себя. „Всякій, слѣдующій добродѣтели, желаетъ другимъ того же блага, къ которому самъ стремится, и тѣмъ больше, чѣмъ боль-

шаго познанія Бога достигъ онъ". Но кромѣ познавательной любви никакая другая любовь не вѣчна.

Любовь аффективная не только не способствуетъ нашему блаженству, но часто становится причиною нашей гибели, удаляя насъ отъ любви къ Богу, Который только Одинъ прекрасенъ и Абсолютное Добро. Такимъ образомъ высшее познаніе души есть познаніе Бога, а высочайшая добродѣтель познавать Его, и это познаніе не является исключительною собственностью кого либо, но обще для всѣхъ, и всѣ одинаково могутъ наслаждаться имъ. Если же Богъ не сдѣлалъ такъ, чтобы всѣ люди жили по руководству разума, то согласно Спинозѣ, конечно потому, что у Него было достаточно матеріала для сотворенія всего, отъ самой высшей степени совершенства до самой низшей, т. е. всего, что только можетъ представить себѣ безконечный Разумъ Бога.

Только тогда мы возвышаемся надъ преходящимъ міромъ, когда начинаемъ разсматривать всѣ вещи подъ формою вѣчности. Душа наша можетъ достигнуть того, что всѣ идеи и образы вещей будутъ относиться къ идеѣ Бога, которая, все чаще и чаще возникая, будетъ безраздѣльно владѣть душою и наполнитъ духъ радостью, возникающею при истинномъ познаніи вещей. Но дойти до такого состоянія человѣкъ можетъ только тогда, когда побѣдитъ свои страсти. Человѣческое безсиліе въ укрощеніи и ограниченіи страстей Спиноза называетъ рабствомъ, такъ какъ человѣкъ, подверженный страстямъ, не повинуется законамъ своей природы, а находится въ зависимости отъ внѣшнихъ вещей, такъ что, часто видя передъ собою лучшее, слѣдуетъ худшему. Побѣдить страсть человѣкъ можетъ только тогда, когда познаетъ ее. Спиноза проситъ читателя искать то спокойствіе духа, которое приноситъ жизнь по руководству разума, даже если онъ не увѣренъ въ вѣчности своей души. Ибо, какъ глупо было бы со стороны человѣка, не вѣрящаго, что можно вѣчно поддерживать свое тѣло хорошей пищей, начать разрушать его ядами и смертоносными веществами, такъ и нелѣпо, видя, что душа не вѣчна и не безсмертна, жить лишеннымъ разума. Даже въ земной жизни спокойствіе духа имѣетъ больше цѣны, чѣмъ всѣ чувственныя удовольствія. Когда мы побѣдимъ свои страсти, то станемъ истинно свободными. Свободѣ Спиноза придаетъ значеніе не такое, какое обыкновенно ей придаютъ, т. е. независимость отъ всякихъ причинъ, но онъ даетъ ей такое прекрасное опредѣленіе: „свобода есть привычка души, пріобрѣтаемая ею черезъ непосредственное общеніе съ Богомъ, производить въ себѣ идеи, а внѣ поступки, лишь подъ одною формою вѣчности". Мы тогда свободны, когда дѣйствуемъ по законамъ своей собственной природы, и несвободны, когда опредѣляемся къ дѣйствованію внѣшними причинами.

Труденъ путь, ведущій къ блаженству. „Мы всѣ, говоритъ Спиноза, волнуемся какъ волны моря, гонимыя противоположными вѣтрами, не зная ничего о нашемъ исходѣ и судьбѣ. Но этотъ путь и долженъ быть труденъ, ибо его такъ рѣдко находятъ. Въ самомъ дѣлѣ, если спасеніе было у всѣхъ подъ руками и могло быть найдено безъ особеннаго труда, то какъ же могли бы почти всѣ пренебрегать имъ? Но все прекрасное такъ же трудно, какъ и рѣдко". Такими словами заканчивается этика Спинозы. Простодушные люди, говоритъ Еккартъ, думаютъ увидѣть Бога, какъ находящагося здѣсь или тамъ. Но это не такъ. Богъ и я—одно въ познаніи. Не въ Виѳлеемѣ, а въ насъ долженъ родиться Христосъ—путь въ человѣческой душѣ. Но это единеніе съ Богомъ возможно лишь для праведниковъ. какъ вѣрно замѣчаетъ Кузенъ: „Истинное единеніе души съ Богомъ дѣлается черезъ истину и добродѣтель. Всякое другое единеніе есть химера, гибель и часто преступленіе".

Но единеніе съ Богомъ цѣль не только каждаго человѣка, но и всего человѣчества. „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный".

„Герои безкорыстной жизни,—говоритъ Э. Ренанъ, святые, апостолы, муни, пустынники, монахи, аскеты всѣхъ вѣковъ, поэты и возвышенные философы, предпочитавшіе не имѣть здѣсь на землѣ никакихъ богатствъ, мудрецы, прошедшіе черезъ жизнь съ лѣвымъ глазомъ направленнымъ на землю и правымъ на небо, и прежде всего ты, божественный Спиноза, оставшійся бѣднымъ и забытымъ для того, чтобы лучше воспитывать свою мысль и преклоняться передъ безконечностью,—насколько лучше поняли вы жизнь, чѣмъ тѣ, для кого она является узкимъ разсчетомъ матеріальныхъ интересовъ или незначительной борьбой честолюбія и суеты. Въ вашихъ возвышенныхъ странностяхъ я нахожу гораздо болѣе сверхчувственныхъ потребностей и инстинктовъ человѣчества, чѣмъ въ тѣхъ блѣдныхъ существованіяхъ, которыхъ никогда не освѣтилъ лучъ идеала..."

Спиноза всю жизнь практиковалъ тѣ правила жизни, которыя онъ указалъ для всѣхъ, и его можно поставить на ряду съ великими Учителями человѣчества, указывавшими ему путь къ достиженію вѣчной истины. Къ нему можно отнести слова одного восточнаго мудреца: „Я смотрю на небо, усѣянное безчисленными звѣздами, и во всемъ вижу Единое, смотрю на бушующее море и во всѣхъ пѣнящихся волнахъ вижу Единое; смотрю въ свое сердце: оно тоже море чувствъ, страстей и желаній—и во всемъ этомъ я вижу Единое".

Л. Богушевскій.

Великая тайна.

Наступали сумерки. Солнце уже готовилось скрыться за горными вершинами. Вечерняя заря покрыла на западѣ горизонтъ, тихая и нѣжная, какъ усѣянный цвѣтами путь, по которому только что направилась молодая парочка обрученныхъ. Повсюду— тишина и таинственный покой. На синевѣ неба вырисовывались темныя сосны, журчали въ долинѣ ручьи, напѣвая свою старую пѣснь, и все въ природѣ дышало спокойствіемъ и красотою.

Солнце совсѣмъ скрылось. И я узналъ тогда, что сбился съ дороги и нахожусь въ мѣстахъ, совсѣмъ незнакомыхъ мнѣ раньше. Тихо побрелъ я въ направленіи, по которому долженъ былъ достичь своей деревни. Мнѣ было легко и весело на душѣ, но непонятное влеченіе къ „чему-то", чего я самъ не зналъ, подгоняло меня, и сами собою шаги мои становились быстрѣе. У скалистаго обрыва я остановился и задумался. То тутъ, то тамъ на ясномъ небосклонѣ показывалась звѣзда, и сосны вдали становились все чернѣе. Вдругъ передъ собою я увидѣлъ какую-то движущуюся фигуру. Это былъ пустынникъ, прозванный въ деревнѣ „Горнымъ Старцемъ". Онъ приближался ко мнѣ. На лицѣ его отражался весь покой природы, а глаза его свѣтились такою лаской, какъ маленькія звѣздочки надъ нами. Онъ остановился, и, когда увидѣлъ меня, нѣжная улыбка озарила его черты. Онъ ничего не сказалъ.... „Богъ въ помощь",—прошепталъ я, „я сбился съ пути, не укажешь-ли ты мнѣ его?"—„Идемъ", отвѣтилъ онъ и, коснувшись рукою моего плеча, повелъ меня назадъ по той-же дорогѣ, по которой я только что пришелъ. Съ нимъ рядомъ мнѣ было легко на душѣ. Казалось, отъ него исходила какая-то священная сила. Вся моя тоска, всѣ мучительныя сомнѣнія оставили меня. Указывая на высь, гдѣ уже ярко сіяли безчисленныя звѣзды, онъ началъ такъ:

„Ты сбился съ пути,—быть можетъ, ты его совсѣмъ еще не знаешь! Конечно, ты его еще не нашелъ! Путь къ родинѣ—тихая, скромная лѣсная тропинка, удаленная отъ шумныхъ дорогъ міра, такъ какъ ведетъ она въ самое сердце Великой Тайны.

— Взгляни на эти темныя деревья, взгляни вверхъ на звѣзды, взгляни на меня и посмотри на самого себя: все—покрыто тайной, все—чудесно! Какъ никто не вѣдаетъ, какъ попала сюда эта скала, какая рука создала ее и установила, такъ и человѣкъ—найденышъ въ лѣсу жизни, загадка и для самого себя,

и для другихъ. Когда я говорю соснѣ: „Скажи мнѣ, что ты такое?“ — она молчитъ. И развѣ своимъ молчаніемъ не даетъ она болѣе ясный отвѣтъ, чѣмъ міровые умы, когда они по своему разрѣшаютъ вопросъ о бытіи человѣка?

Человѣкъ—чудо. Какъ только это собственное его чудо становится ему ясно,—онъ уже новый человѣкъ, а на мѣсто стараго является новое чудо. И вотъ путь: постоянное просвѣтлѣніе, постоянный подъемъ въ высшія, болѣе чистыя формы „Истины“, и наконецъ въ то, что еще не выразимо въ бытіи, въ самую „Истину“. Растенія стремятся къ свѣту, человѣкъ—тоже; но его свѣтъ это—Истина. Назовемъ-ли ее Истиной, Счастьемъ, Единствомъ, Любовью или еще какъ хочешь, безразлично: у нея нѣтъ названія. Лучшее слово языка не можетъ исчерпать ее, рѣчь просвѣщеннѣйшаго человѣка не можетъ ее опредѣлить. А съ другой стороны, развѣ не говорятъ объ этомъ звѣзды, не слышно-ли это въ журчаніи ручья, не мы-ли, странствуя здѣсь, обнаруживаемъ ее? Это—чудо! И именно потому человѣка манитъ и искушаетъ заняться этимъ и пытаться почуять это и ощутить. Онъ добивается его, этого великаго Неизъяснимаго, но едва-ли онъ самъ знаетъ, хочетъ-ли онъ его имѣть или имъ быть. Этой потребности отвѣчаетъ то стремленіе, о которомъ говорятъ ваши поэты и которое тебя волнуетъ. Это—желаніе видѣть, видѣть собственными глазами то, что скрываетъ чудеса.

Съ благодарностью взглянулъ я на старца, который продолжалъ:

„Тебѣ хотѣлось бы проникнуть въ тайну человѣка, но я не могу тебѣ ее открыть: только сама жизнь можетъ снять съ нея завѣсу. Охотно дамъ я тебѣ ключъ отъ шкатулки, въ которой хранится этотъ алмазъ, но замочную скважину ты долженъ отыскать самъ и самъ, своей рукой вскрыть замокъ. Если-бы какая-нибудь книга могла открыть тайну жизни, то всѣ наизустъ изучили-бы ее, и не было-бы больше ни горестей, ни страданій, такъ какъ все грустное должно было-бы сгинуть подъ вліяніемъ высшаго свѣта. Кто въ Истинѣ познаетъ самого себя, тотъ приходитъ къ сознанію величія и блеска своей природы. Въ лучшихъ изъ васъ таится стремленіе достичь этой высоты. Они — въ положеніи того царскаго сына, который по превратности судьбы попалъ въ очень ранніе годы въ далекую страну, гдѣ сталъ своеобразнымъ ребенкомъ: хотя онъ одѣвался совсѣмъ какъ окрестные крестьяне и дѣлалъ совершенно тоже самое, что они, все-же сразу видно было, что онъ отъ нихъ отличается. И въ немъ было стремленіе къ невѣдомой выси, и съ каждымъ днемъ разгаралось все больше и больше. Когда однажды старый пастухъ, полюбившій его, намекнулъ ему о его царскомъ происхожденіи и о далекой родинѣ, это

стремленіе всецѣло поглотило его, и какъ-то утромъ кровать его оказалась пустой. Никто не зналъ куда онъ исчезъ, но старый пастухъ полагалъ, что теперь ему должно-быть хорошо"....

Почти совсѣмъ стемнѣло. Свѣжій вѣтерокъ дулъ намъ навстрѣчу и игралъ длинными серебристыми кудрями старца. Стройно, изящно выдѣлялся его высокій станъ. Казалось, и онъ и духъ его витали въ дали. Все въ немъ было—тихая, покойная жизнь.

Тропинка все съуживалась и извивалась большими изгибами внизъ съ горы. Мы оба глядѣли вверхъ, гдѣ сосны гармонично выдѣлялись на усѣянномъ звѣздами небосклонѣ и указывали намъ путь.

„Смотри",—услышалъ я спустя нѣкоторое время голосъ старца,—„какъ мы шествуемъ здѣсь. Вокругъ насъ глубокая ночь. И мы невольно смотримъ въ высь, чтобъ сохранить вѣрное направленіе къ дому. Такъ и у людей: только тогда, когда черная немочь спускается на ихъ жизнь, вспоминаютъ они о высокомъ, о возвышенномъ,—и, какъ насъ теперь темная ночь, такъ и ихъ муки побуждаютъ искать путь. Вотъ почему страданіе — великій учитель. Кто достигъ возможности видѣть въ страданіи что-либо поучительное, тотъ уже близокъ къ тому, чтобы ихъ совсѣмъ побороть. И въ страданіи есть добро: надо только взглянуть на него прямо, но это трудно, такъ какъ и самое страданіе—полно тайны. Если кто хочетъ въ какомъ-бы то ни было видѣ избавиться отъ какого-либо страданія, то пусть знаетъ, что все имѣетъ причину, возникло съ причиною и съ нею проходитъ. Въ основѣ каждаго дѣйствія, каждой мысли лежитъ причина, какъ видимая, такъ и невидимая. Если я теперь подымаю руку, то есть тому совершенно опредѣленная причина, и эта причина опять таки находится въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ крупныхъ и мелкихъ причинъ, но всѣ онѣ—едины въ Одной причинѣ, единственной, которая сама безпричинна. Такъ, самая мельчайшая пылинка находится въ связи съ цѣлымъ. Поэтому не слѣдовало-бы говорить о существенныхъ и несущественныхъ занятіяхъ: для просвѣщенныхъ людей все одинаково существенно. Когда поэтъ своими пѣснями наполняетъ радостью и счастьемъ сердца цѣлаго народа, то, несомнѣнно, это—прекрасно; а когда пахарь идетъ за своимъ плугомъ, никѣмъ не видимый, и возвращаясь вечеромъ домой наполняетъ радостью сердца своей семьи,—развѣ это не такъ же прекрасно? Не могу сказать, чтобы тому или другому принадлежало право на предпочтеніе: я въ обоихъ вижу проявленіе одной и той-же мощи, и каждый изъ нихъ обнаруживаетъ ее постольку, поскольку можетъ. Гдѣ-же здѣсь различіе?

Я говорилъ о причинахъ страданія. Узнать его, шагъ за шагомъ,—вотъ въ чемъ путь. Узнать значитъ побѣдить. Тотъ сталъ-

бы могущественнѣйшимъ учителемъ, познанія котораго проникли-бы въ глубь всѣхъ вещей. Я дамъ тебѣ два сравненія. Нѣкто боится будущаго: онъ думаетъ, что скоро его постигнетъ большое горе. Страхъ его постольку увеличивается, поскольку онъ даетъ ему волю захватывать его. И вотъ онъ узнаетъ однажды—изъ хорошей-ли книги, добраго слова или другимъ путемъ, наводящимъ на размышленія—что онъ самъ держитъ свое будущее въ своихъ рукахъ, и что страхъ и заботы только до тѣхъ поръ будутъ обуревать его, пока онъ самъ захочетъ. Послѣдствія ты самъ себѣ представить можешь.—То же самое бываетъ и съ разгнѣваннымъ человѣкомъ,—онъ также страдаетъ. Но какъ только онъ выяснитъ себѣ сущность гнѣва, гнѣва уже нѣтъ и съ нимъ—нѣтъ и страданія. Конечно, ты могъ бы сказать и наоборотъ: „какъ только нѣтъ болѣе гнѣва и съ нимъ страданія, онъ ясно и отчетливо видитъ сущность гнѣва". Съ начала онъ находился въ долинѣ среди тумана и не могъ узнавать даже ближайшихъ окрестностей; теперь-же онъ стоитъ на горѣ и видитъ подъ собою долину.

Причина всегда глубоко очень глубоко сокрыта, но тѣмъ не менѣе, если только онъ мыслитъ чистосердечно и естественно, она проста и сама собою понятна, какъ яркая звѣзда тамъ надъ лѣсомъ.

Звѣзды не знаютъ ничего о страданіи. Если-бъ я странствовалъ по всѣмъ странамъ и вопрошалъ всѣ существа, всѣ деревья и цвѣты, всѣхъ птицъ и дѣтей: „Страдаете-ли вы",—что отвѣтили-бы они мнѣ? Они продолжали-бы шелестить и благоухать, пѣть и играть, такъ же радостно и счастливо, какъ всегда, какъ-бы не обращая вниманія на этотъ вопросъ. Но если-бъ я зашелъ въ старую хижину или дворецъ и спросилъ людей, счастливы-ли они, что отвѣтили-бы они мнѣ? Они покачали-бы головами, разсказали-бы о нуждѣ и немощахъ, посмотрѣли-бы на меня, какъ на чужеземца, и вѣрно сказали-бы: „Милый другъ, счастливцы давно уже всѣ вымерли". Быть можетъ нашелся-бы только одинъ, считающій себя вполнѣ довольнымъ, но если-бъ я ближе присмотрѣлся къ этому человѣку, то въ концѣ концовъ, вѣроятно, обнаружилось бы, что это—беззаботный глупецъ или мечтатель.

Вездѣ одно и тоже. Доколѣ кто-нибудь не позналъ вполнѣ Истины, онъ долженъ нести бремя предназначеннаго ему страданія. Тутъ не допускается исключеній. Будь ты король или нищій, законъ неизмѣненъ: кто не слѣдуетъ вѣчнымъ предписаніямъ природы,—долженъ страдать. Никакая внѣшняя власть не наказуетъ его: онъ самъ себя наказываетъ, если вообще можно говорить о наказаніи. То, что изъ этого вытекаетъ, просто, почти слишкомъ просто. Никто не станетъ искать страданія, и все-таки страдаютъ почти всѣ. Причина, слѣдовательно, кроется въ незнаніи вѣчныхъ

предписаній природы. Чѣмъ болѣе познаешь законъ, тѣмъ лучше ему слѣдуешь. Вѣдь страданіе ничто иное, какъ указатель: человѣкъ постольку облегчаетъ свое бремя, поскольку онъ прислушивается къ голосу нужды.

Мы бродимъ здѣсь въ лѣсу и находимъ въ этомъ удовольствіе. Быть можетъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ бродятъ также два человѣка, огорченные тѣмъ, что должны въ такой поздній часъ еще бродить. Вотъ именно такъ дѣйствуетъ все, какъ воспринимается. Коль добръ ты самъ, то нѣтъ для тебя ничего дурного. Всякій зритъ глазами своего собственнаго сердца. Одинъ переноситъ свое страданіе въ одной формѣ, другой въ иной. Звонить ли о немъ во всѣ колокола или скрывать въ тайникахъ своей души, безразлично: никто его не избѣгнетъ. Какъ возможно ту-же сумму денегъ имѣть въ видѣ легкой ассигнаціи или въ видѣ многихъ тяжелыхъ монетъ, такъ и субъективному чувству отдѣльныхъ лицъ предоставлена форма, въ которой они желаютъ переносить свое страданіе. Если у тебя есть способность самопознанія, то ты сумѣешь вѣрно взглянуть на свое страданіе; нѣтъ его у тебя, ты и будешь страдать, но не для того, чтобы стонать, а только для того, чтобы достичь высшей формы самопознанія.

Кто однако познавъ тайну всѣхъ тайнъ, глубину всѣхъ чудесъ, тотъ уже не знаетъ ни муки, ни наслажденія. Свободный отъ всѣхъ противорѣчій, вездѣ онъ видитъ Единое. Какъ многосложно и въ кажущемся безпорядкѣ устроенъ звѣздный небосклонъ, который тѣмъ не менѣе съ неуловимой гармоніей и красотою проникаетъ своимъ сіяніемъ въ наши сердца и наполняетъ благоговѣніемъ, такъ и мудрецъ во всемъ многосложномъ живомъ мірѣ видитъ только откровеніе безконечнаго единства, повсюду миръ, повсюду любовь, повсюду свѣтъ...“

Онъ остановился и умолкъ. Мы подошли близко къ деревнѣ. Долина темнѣла, и только отдѣльныя, свѣтлыя точки указывали на то, что внизу жили люди. Я раскрылъ свой плащъ и снялъ шляпу съ головы: мнѣ было такъ легко на душѣ.

И снова старецъ тихо и покойно заговорилъ, указывая рукою на высь, и мнѣ казалось, что говоритъ нѣкто-невидимый. Тихо и ясно звучали слова его въ прохладной тишинѣ ночи.

„Звѣзды не одиноки. Тамъ каждая—сама для себя, но каждая довольствуется сама собою: отсюда ихъ тихая красота, вотъ—образъ мудреца. Вы назвали его—одинокимъ чужеземцемъ; нѣтъ онъ не таковъ: онъ живетъ въ самомъ тѣсномъ общеніи со всѣмъ. Весь міръ—его грудь, и великая тайна—его сердце. Онъ чувствуетъ вмѣстѣ со всѣми, онъ—все. Онъ не витаетъ ни въ воспоминаніяхъ, ни въ радостныхъ надеждахъ на золотой вѣкъ; онъ живетъ единъ: единъ со всѣмъ и все въ Единомъ.

Онъ витаетъ такъ высоко надъ низменной земной жизнью, какъ звѣзды надъ темной деревней, и всетаки лучами своей любви онъ объемлетъ все существующее. Онъ — звѣзда на духовномъ небѣ. Но и онъ свой свѣтъ имѣетъ не отъ себя; и онъ—не самый свѣтъ. Онъ только носитель свѣта, свѣтильникъ вѣчнаго солнца. Онъ посланецъ безконечнаго Отца вселенной, и родина его—не въ этомъ мірѣ. Его настроеніе свободно отъ всякой пролетной пыли, чисто какъ твердь.

Старикъ умолкъ. Онъ протянулъ мнѣ свою мягкую руку и пошелъ. Я слѣдилъ за нимъ глазами; и казалось мнѣ, что нѣжное облако окутало его станъ, когда онъ сокрылся въ темнотѣ. Я взглянулъ вверхъ. Во-истину, его покой—тайна всѣхъ тайнъ: онъ скрытъ, какъ звѣздный небосклонъ, и ясенъ какъ звѣздный лучъ, который такъ чутко отзывается въ нашихъ сердцахъ...

Ф. Маріусъ.

Теософическій конгрессъ въ 1907 году.

Въ „Revue Theosophique“ сообщены подробности засѣданій четвертаго конгресса федераціи Европейскихъ секцій Теософическаго Общества въ текущемъ году въ Мюнхенѣ, который продолжался съ 18-го по 21-ое Мая. Порядкомъ распоряжалась германская секція, генеральный секретарь которой, докторъ Рудольфъ Штейнеръ завѣдывалъ всей организаціей. Конгрессъ имѣлъ большой успѣхъ. Члены конгресса, столь-же многочисленные, какъ и во время конгресса въ Парижѣ, были воодушевлены прекраснымъ духомъ братства. Главные секретари всѣхъ секцій Европы были на лицо; Англія и Франція прислали каждая по 25 представителей. Почетнымъ предсѣдателемъ конгресса была избрана Анни Безантъ, вся сіяющая лучезарной красотою и энергіей. Главная зала собранія была обтянута красной матеріей съ висячими эмблемами Розенкрейцеровъ. Извѣстно, что орденъ Розенкрейцеровъ прекратилъ свое существованіе въ концѣ XVIII вѣка и уже не возобновлялся въ его истинномъ духѣ, но этотъ духъ, который представляетъ не что иное какъ духъ теософіи въ одномъ изъ ея христіанскихъ видовъ, продолжаетъ существовать и воодушевлять современныхъ теософовъ. Розенкрейцерство одна изъ буквъ того слова, какое должно произнести человѣчество, чтобы придти къ полному познанію. Согласно росписанію, конгрессъ открылся 18 мая привѣтственнымъ адресомъ, произнесеннымъ д-ромъ Рудольфомъ Штейнеромъ. Затѣмъ слѣдовали привѣтствія со стороны генеральныхъ секретарей европейскихъ секцій, причемъ каждый говорилъ на своемъ родномъ языкѣ. По окончаніи привѣтствій Анни Безантъ произнесла интересную рѣчь относительно развитія теософіи въ Индіи—колыбели духовности, отличающейся замѣчательнымъ стремленіемъ къ единству и отсутствіемъ духа сепаратизма—этой величайшей человѣческой ереси. Отсутствіе разногласія—лучшая гарантія осуществленія единенія между идеалами востока и запада.

Затѣмъ она поздравила Германію въ обладаніи личностью главнаго секретаря Рудольфа Штейнера, этого піонера теософіи, способнаго распространить ея свѣтъ не только въ Германіи, но и другихъ странахъ. Упомянувъ, что эпоха, переживаемая въ настоящее время человѣчествомъ, преисполнена смутъ и борьбы, Анни Безантъ отмѣтила, что все это лишь предвѣстникъ близкаго освобожденія и знаменательнаго торжества, рожденія Христа въ сердцѣ человѣка, человѣка грядущаго, и всѣ работающіе на осуществленіе

этого идеала получатъ благодарность потомства. Остальная часть дня была посвящена чтенію мемуара доктора Паскаля „о единствѣ и іерархіи“, а вечеромъ членами теософическаго общества, столь музыкальными какъ нѣмцы, были исполнены произведенія Баха, Шумана, Шуберта и Скарлати.

Изъ докладовъ, читанныхъ на этомъ конгрессѣ, большой интересъ вызвало сообщеніе Рудольфа Штейнера о посвященіи у Розенкрейцеровъ и докладъ „о теософіи въ Россіи“.

Отмѣтимъ еще священную мистерію Элиязисъ, музыка Ставенгагена, съ большимъ искусствомъ исполненную членами теософическаго общества.

Докладъ генеральнаго секретаря Скандинавской секціи объ относительномъ и абсолютномъ и Рудольфа Штейнера о планетарной и человѣческой эволюціи вызвали большое одобреніе.

Въ день закрытія конгресса снова генеральными секретарями были прочитаны рѣчи на родныхъ языкахъ. Анни Безантъ, не представлявшая на этомъ конгрессѣ отдѣльную страну, поздравила Германію съ тѣмъ оживленіемъ теософической дѣятельности, какая наблюдается въ ней теперь, и пригласила всѣ секціи принести камень на постройку зданія теософіи, каждой вставить свою отдѣльную букву въ великое слово, приносящее миръ и утѣшеніе человѣчеству. Не прощаясь ни съ кѣмъ изъ присутствовавшихъ, ибо между теософами никогда не прерывается внутренняя связь, для сохраненія единства человѣчества, которое одно можетъ привести къ тому высокому назначенію, какое его ожидаетъ, Анни Безантъ закончила свою рѣчь словами. „Да поддержатъ насъ и сохранятъ любовь, мудрость и надежда“!

Рудольфъ Штейнеръ выразилъ благодарность Анни Безантъ, членамъ конгресса и объявилъ, что союзный комитетъ назначилъ слѣдующее засѣданіе конгресса въ Венгріи въ Будапештѣ въ 1909 году. Такъ закончился этотъ конгрессъ среди полнаго единодушія членовъ на почвѣ работы, братства и любви.

* * *

Въ сентябрьскомъ номерѣ „Revue Theosophique“ помѣщена интересная статья Пьера Дювара о первомъ парламентѣ Религій, имѣвшемъ мѣсто на всемірной выставкѣ въ Чикаго, когда Анни Безантъ, нынѣ президентъ Теософическаго общества, выступила въ роли красиваго и смѣлаго оратора, произведя огромное впечатлѣніе на участниковъ этого конгресса, на который впервые всѣ религіи міра прислали оффиціальныхъ представителей, что не имѣло мѣста на конгрессѣ въ Парижѣ въ 1900 году. Приводимъ эту статью.

Первый Парламентъ Религій.

То небольшое впечатлѣніе, какое оказала во Франціи всемірная выставка въ Чикаго, не дало возможности оцѣнить вполнѣ всѣ стремленія американской интеллигенціи. Конгрессъ показалъ во-очію широту взглядовъ и либерализмъ американскаго народа. Наряду съ представителями научнаго и философскаго міра всевозможныхъ направленій, члены конгресса дали оцѣнку умственной независимости этого столь молодого и своеобразнаго народа, потомка всѣхъ расъ стараго свѣта. Народъ ребенокъ, но ребенокъ чудный, который станетъ расою будущаго, предсказанной Литтономъ Бульверомъ, и тогда достигнетъ своей зрѣлости, когда европейскіе народы быть можетъ придутъ къ окончательному разложенію. Директора всемірной выставки пригласили на конгрессъ представителей всѣхъ тѣхъ, болѣе или менѣе счастливыхъ попытокъ выраженія истины, которыя мы называемъ религіями. Каждая религія приглашалась послать въ Чикаго своихъ наиболѣе авторитетныхъ и свѣдущихъ членовъ, для изложенія ихъ вѣрованій и убѣжденій. Прошли стало быть, къ счастью, тѣ времена, когда народъ, изгибаясь подъ ужасною тяжестью деспотическихъ догмъ, не имѣлъ даже права сомнѣваться въ нихъ, какъ бы подъ часъ нелѣпы и безбожны они не были. Нѣтъ больше костровъ, ни палачей въ распоряженіи инквизиторовъ, и можно было съ глубокою радостью видѣть дѣйствительно Вселенскій соборъ, мирно засѣдающій на берегахъ озера Мичигана, излагающій самыя разнообразныя и самыя удивительныя религіозныя доктрины. Тутъ были представители всѣхъ церквей, всѣхъ сектъ, и хотя Европейскій католицизмъ не счелъ возможнымъ принять участіе въ конгрессѣ, но католическіе епископы Америки рѣшили прислать представителя своей церкви въ Парламентъ Религій.

Еврейскіе раввины Европы и Америки, Парсы изъ Бомбея, оффиціальный представитель китайскаго правительства съ обязанностью представить конфуціанство, много ортодоксальныхъ браминовъ, профессоръ Шакраварди, браминъ Аллагабадъ, буддійскій жрецъ южной церкви Дармапала—пріѣхали на этотъ конгрессъ.

Прогрессивный индуизмъ поддерживалъ краснорѣчивый Мозумдаръ, Коранъ—два ученые мусульманина изъ Индіи, Теософическое общество имѣло представителями десять своихъ лучшихъ ораторовъ; шинтоизмъ представлялся однимъ изъ своихъ первосвя-

щинниковъ, и безчисленныя протестанскія секты выставили каждая нѣсколькихъ представителей. Засѣданіе парламента Религій продолжалось около двухъ недѣль. Программа, начертанная комитетомъ „Вспомогательнаго конгресса выставки", была чрезвычайно удачно, разумно и либерально составлена. Извѣстные дни, когда должны были засѣдать различныя фракціи, были заранѣе намѣчены, и соотвѣтственно съ вѣроятнымъ количествомъ слушателей избраны помѣщенія. Согласно съ извѣстіями съ той стороны океана новый элементъ довольно неожиданно явился какъ солнце въ Парламентѣ Религій, порвавъ съ мертвой буквою догматовъ, разъясняя ихъ какъ бы при свѣтѣ новаго откровенія. Этотъ элементъ, еще молодой, имѣетъ притязаніе, и не безъ серіозныхъ основаній, вести свое происхожденіе со временъ глубокой древности, продолжая эзотерическую и религіозную традицію, передававшуюся тайно или явно, смотря по политическому и религіозному либерализму или деспотизму эпохъ, со временъ индійскихъ Риши и до нашихъ дней, проходя черезъ святилища древняго Египта, халдейскихъ маговъ, посвященныхъ древней Греціи, неоплатониковъ, гностиковъ и Розенкрейцерства послѣднихъ вѣковъ. Безъ магическихъ и смѣлыхъ доктринъ, защищаемыхъ знаменитыми ораторами, Парламентъ Религій носилъ бы печать обычной скуки. Особенный успѣхъ выпалъ на долю двухъ миссіонеровъ новой доктрины. Одинъ изъ нихъ былъ индусъ, профессоръ Шакраварди, а другой англичанка, уже широко извѣстная своею искреннею преданностью дѣлу человѣчества, равно какъ и своимъ замѣчательнымъ и вдохновеннымъ краснорѣчіемъ: знаменитая Анни Безантъ. Они представляли теософическія доктрины, и особенный интересъ вызвали доклады, заслужившіе всеобщее одобреніе: единство религій; всеобщее братство, какъ законъ природы; теософія, какъ основа всѣхъ религій и священныхъ книгъ, историческія доказательства этого положенія; отношеніе между вселенной и человѣкомъ; перевоплощеніе, какъ законъ природы; загробная жизнь съ теософической точки зрѣнія; альтруизмъ какъ законъ природы; теософія въ ея отношеніи къ морали, наукѣ, эволюціи и современнымъ соціальнымъ проблемамъ; и т. д. и т. д. Успѣхъ теософіи былъ такъ великъ, что необходимо было для докладовъ приготовлять все болѣе и болѣе обширныя помѣщенія, и, наконецъ, для чрезвычайныхъ засѣданій была предоставлена зала Вашингтона, самая большая въ зданіи Парламента.

Удивительно, что доктрины теософіи, зародившіяся въ Америкѣ въ 1875 году, столь быстро распространились, что съ того времени Теософическое общество насчитываетъ свыше 310 отдѣленій (въ настоящее время около 900). Индія, Англія и Америка насчитываютъ больше всего приверженцевъ, Европа же представляетъ большее сопротивленіе движенію. Мы желали показать чи-

тателю этотъ удивительный и отнынѣ историческій фактъ, чтобы охарактеризовать степень религіозной терпимости въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки въ концѣ XIX вѣка и обратить вниманіе религіозныхъ мыслителей на доктрины, которыя произвели столь глубокое впечатлѣніе на участниковъ Парламента Религій, что пресса по ту сторону океана разсматриваетъ ихъ какъ самую интересную особенность Парламента, затмившую догмы различныхъ церквей.

Заря теософіи въ Россіи.

Постепенно теософія начинаетъ прокладывать путь въ Россіи, родинѣ основательницы Теософическаго Общества Елены Петровны Блавацкой. Въ Петербургѣ образовалось нѣсколько кружковъ лицъ, намѣревающихся регулярно работать, читать лекціи и дѣлать сообщенія.

Другія группы образовались въ Москвѣ, Кіевѣ, Калугѣ и Владикавказѣ. Въ періодическихъ изданіяхъ увидѣли свѣтъ нѣкоторыя статьи по теософіи.

Въ Смоленскѣ съ 4 Іюля 1907 г. открылось Первое въ Россіи Теософическое Общество въ составѣ 14 членовъ съ предсѣдателемъ В. И. Штальбергомъ, которое пока стоитъ независимо отъ международной организаціи. Смоленское Теософское Общество издаетъ съ Сентября текущаго года ежемѣсячный журналъ „Теософская жизнь".

Отъ редакціи.

*Въ виду трудности организаціи правильнаго поступленія въ редакцію журнала **„Теософическое Обозрѣніе"** извѣстій о дѣятельности Теософическихъ обществъ, въ различныхъ странахъ міра, мы начнемъ давать свѣдѣнія лишь въ ближайшихъ номерахъ журнала. На ряду съ этими свѣдѣніями будетъ помѣщаться обзоръ статей въ текущихъ періодическихъ изданіяхъ по Теософіи и соприкасающимся съ ней областямъ знанія.*

Редакторъ-Издатель

В. Богушевскій.